

Бестселлер Amazon

МАКС ПЕМБЕРТОН
ДОВЕРЬТЕСЬ МНЕ.
Я – ДОКТОР

Спасая Жизнь: ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Макс Пембертон
Доверьтесь мне. Я – доктор
Серия «Спасая жизнь.
Истории от первого лица»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51872369

Доверьтесь мне. Я – доктор:

ISBN 978-5-17-122821-7

Аннотация

В первой части трилогии Макса Пембертона трогательно и с юмором описываются впечатления интерна от первого года работы в Национальной службе здравоохранения Великобритании. Юношеский максимализм доктора сменяется откровенным недоумением от осознания того, насколько мало в его деле собственно «спасения жизней» и как много времени уходит на заполнение бланков и обдумывание важных проблем, которые не обсуждались нигде раньше. Например, как ответить родственнику на вопрос о том, выжил ли его близкий?

В этой книге Макс Пембертон предоставляет читателю возможность приоткрыть дверь в мир, куда обычному человеку без медицинского образования вход запрещен.

Содержание

Август	5
Сентябрь	48
Октябрь	77
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Макс Пембертон

Доверьтесь мне. Я – доктор

Моей маме, которая будет рада слышать, что пока я писал эту книгу, я правильно питался и обязательно надевал теплое белье (честное слово).

© Max Pemberton 2008

© И. Д. Голыбина, перевод, 2019

© Graham Jepson / Telegraph Media Group Limited 2008,
фото на обложке

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Август

Понедельник, 4 августа

Мне страшно. Официально я считаюсь взрослым, то есть должен платить налоги и беспокоиться, не начал ли лысеть, но мне все равно страшно. Я как будто замер у распахнутого люка самолета, готовясь к прыжку, и не знаю, откроется парашют или нет, а даже если он откроется, мне все равно предстоит кувыркаться в воздухе с желудком, подступившим к горлу, и мечтать, чтобы это поскорее закончилось. И главное – мне некого винить, кроме самого себя.

Я сам поставил галочку в графе «медицина», когда заполнял анкету в школе. Если бы я промахнулся и отметил «журналистику», то сейчас посиживал бы за компьютером и размышлял, где купить латте повкуснее, а не занимался бы глитами и проказой. Т. С. Элиот ошибался: «жесточайший месяц» – не апрель, а август. Именно в августе выпускники медицинских колледжей по всей стране, проснувшись поутру, осознают страшный факт – теперь они доктора, – и на практике знакомятся с тем, что это означает.

Учеба была для меня чем-то вроде долгих каникул, в которые эпизодически вклинивались случайные больные. К экзаменам, конечно, пришлось попотеть, заучивая целиком толстенные книги, чтобы потом извергнуть их содержимое в пропахшей потом аудитории, едва держась на ногах, трясущ-

щихся от опасной комбинации энергетиков и тройных эспрессо. Но в целом, шесть лет в университете я провел довольно приятно. Это было похоже на игру в доктора. На Рождество, когда одна за другой следуют семейные вечеринки, все смотрят на тебя с теплотой, – «О, он учится на врача», – с неба звучит ангельский хор, а ты источаешь божественный свет, озаряющий лица восторженных почитателей. Люди любят врачей, точнее, свое представление о них. Еще им нравится мысль о наличии знакомого врача, хотя в целом медики – скучнейший народ. Они вечно вымотаны, постоянно на все жалуются и говорят исключительно о работе. Однако студент-медик представляет собой этакий славный компромисс: все плюсы будущей профессии, но без мешков под глазами и долгих телефонных разговоров о том, как Национальная медицинская служба катится по наклонной, и что, если заставить людей платить за лечение, они поймут, чего лишились, и сразу заткнутся.

В такой вот благостной обстановке я и провел шесть лет, наслаждаясь статусом «почти» доктора. Я ни разу не дежурил ночью. Не ставил диагнозов. Собственно, я за всю жизнь не выписал ни одного рецепта. Но завтра утром все изменится. Потому что с этого момента я начинаю работать врачом. И мне очень страшно.

Вторник, 5 августа

Я рассчитывал немного на другое. Количество жертв:

ноль. Это обидно, ведь я уже настроился на то, что из-за меня кто-нибудь умрет, и я на первой же неделе вычеркну этот пункт из списка. Спишу все на невезение, преследующее новичков, и начну с чистого листа. Через пару месяцев об этом никто и не вспомнит, и можно будет рассчитывать на хорошие рекомендации. Идеально.

В действительности же не только никто не умер, а мы вообще не увидели ни одного пациента. Весь день нас инструктировали о самых скучных вещах, какие только можно вообразить, и которые, как нетрудно догадаться, нам все равно не понадобятся. Сначала мы попали к очень энергичной даме по имени миссис Крук, глаза которой наполнялись слезами всякий раз, когда ей задавали вопрос. Довольно быстро стало ясно, что она только прикидывается энергичной и собранной, в действительности находясь на грани нервного срыва. В какой-то момент, когда мы пили кофе, кто-то поинтересовался у нее, где ложки. Миссис Крук покраснела, как свекла и задыхалась так часто, что я испугался, как бы она не потеряла сознание прямо у нас на глазах, но тут, к счастью, ложки нашлись: в мусорной корзине. Этой женщине, несмотря на полную неспособность осознать, кто мы вообще такие и что делаем в ее кабинете, предстояло быть нашим связующим звеном с администрацией госпиталя.

После беседы с миссис Крук седые мужчины в серых костюмах провели с нами инструктаж по технике безопасности. Не распыляйте содержимое огнетушителя на пациентов,

особенно если огнетушитель – пенный. Если во время обхода чувствуете, что вас сейчас стошнит, пользуйтесь мусорной корзиной. Если собираетесь покончить с собой, не делайте этого на территории больницы.

Более-менее любопытным (я использую это слово в самом широком смысле) оказалось занятие по «личной защите на рабочем месте». Вел его некто Даг, бывший десантник, уволившийся из армии, видимо, по причине необходимости сдерживать свои садистские наклонности, и устроившийся на работу в Национальную службу здравоохранения инструктором. Он объяснил нам, что мы можем и чего не можем делать, если поведение пациента представляет для нас угрозу. Нет бы настроить нас на позитив! Все занятие он потирал свои бицепсы и поигрывал мышцами груди, плясая при этом на бюст дамы, сидевшей в первом ряду. По глупости я в какой-то момент поднял руку, чтобы отпроситься в туалет, и только тут сообразил, что он просит выйти вперед волонтера. В следующий миг я уже валялся на полу на мате. Пока я пытался вырваться, сначала краснея, а потом синяя, ко мне снизошло осознание: вот так я и умру, в тисках тупоголового громилы, в одноэтажном панельном корпусе окружной больницы. «Воздуха!» – хрипел я в его волосатую подмышку, где оказалась моя голова.

Убедившись, что достаточно впечатлил женскую половину аудитории, придушив самого тщедушного из присутствующих, он отпустил меня и продолжил лекцию, взявшись

демонстрировать нам картинки 70-х годов с борющимися человечками, которые сильно напоминали иллюстрации из *«Радостей секса»*.

– Если будете делать так, постарайтесь не сломать ему пальцы, – советовал он, – потому что технически это может быть признано превышением пределов допустимой самообороны.

– Но мы же врачи, – пропищала девушка с тугим хвостом на макушке из первого ряда.

Даг окинул ее сочувственным взглядом, сказал «помогай вам Бог» и перешел к другой теме.

Дальше с нами беседовал мужчина, выглядевший так, будто умер уже некоторое время назад, но никто ему об этом не сообщил. Естественно, он оказался патологоанатомом, а его лекция – страшно монотонная – касалась заполнения свидетельств о смерти. Зарядил оптимизмом, нечего сказать.

К концу дня мы так и не увидели ни одного врача, не говоря уже о пациентах, зато получили по толстой пачке бумаг с инструкциями по эвакуации, которые я немедленно потерял. Надеюсь, пожара в ближайшее время не будет. Хотя, честно говоря, даже если и будет, у меня вряд ли появится охота листать этот талмуд, чтобы разобраться, как лучше сбежать. Та же самая девушка с хвостом на затылке по имени Суприя – ей, как и мне, предстоит следующие полгода работать в хирургии, прежде чем нас переведут в терапию, – спросила, что делать с пациентами отделения реани-

мации, подключенными к аппаратам жизнеобеспечения. Вопрос был вроде разумный, поэтому ответ меня немного удивил. Поскольку спустить их вниз по лестнице нельзя, а лифтами при пожаре пользоваться запрещается, помочь мы им ничем не можем.

– То есть их надо просто бросить там? – переспросила Сурпия с широко распахнутым от изумления ртом.

– Ну, если хотите, можете остаться с ними, – отрезала дама, отвечавшая за пожарную безопасность, которая так обильно пользовалась лаком для волос, что сама представляла ей угрозу, – но если вы погибнете, то не сможете предъявить больнице иск.

Видимо, потому, что будем мертвы? Никто не решился развивать эту тему дальше.

У меня крепло подозрение, что администрация воспринимает нас, интернов, как прыщ, который необходимо по-быстрому выдавить, а не как новых сотрудников больницы. Судя по ледяному приему, никто нас тут не любит. Но мы же работаем ради денег, а не по любви, не так ли?

Среда, 6 августа

Руби, моя соседка по квартире, которая выходит на работу в ту же больницу, заметила, что хотя мы вчера весь день провели в администрации, контрактов с нами не подписали. Я даже не видел ни одного, не то чтобы подписывать. Однако персонал, встретивший нас вчера с дружелюбием перече-
ного

баллончика, в полном составе как сквозь землю провалился. Может, они все скопом уехали в отпуск? Заболели? Работают только один день в году? До нас доходит весть, что миссис Крук у себя в кабинете, однако все звонки переводятся на голосовую почту. Руби уже готова поднять восстание, устроить массовые протесты и сидячую забастовку, в которых понаторела за время учебы, но мы быстро решаем, что это положит конец нашей карьере еще до того, как она начнется. На какой другой работе, особенно такой опасной, как у врачей, люди перед началом не подписывают контракта? С другой стороны, на какой другой работе приходится дежурить по 24 часа без сна? Возможно, именно поэтому она и опасная.

Мы знакомимся с двумя другими интернами, приписанными к хирургии вместе со мной и Руби. Конечно, свои интерны есть и в терапии, но с ними мы не хотим иметь ничего общего. Среди нас индуист, христианин, гей, чернокожий, двое парней и двое девушек. Просто наглядный образец политкорректности. Правда, Льюис, христианин, – одновременно гей и чернокожий, так что «убивает трех зайцев» сразу.

Утро мы проводим в отделе безопасности труда, который, существуя приз за неспособность организовать соревнования по дальноточности струи в туалете пивного бара (или провести медицинское обследование в больнице), наверняка бы его получил. Я уже отправил все справки и сертификаты, свидетельствующие, что во мне не притаились никакие вре-

доносные бациллы и что я вовремя сделал все необходимые прививки, но в ответ получаю лишь недоуменный взгляд медсестры, занимающейся оформлением документов.

– Вы их не присылали, – говорит она, когда я спрашиваю, почему в моем деле нет соответствующей отметки.

– Присылал. Я их отправил шесть недель назад, по первому же вашему запросу, – отвечаю я.

– Нет, не присылали, – упорствует она.

– Нет, присылал, – парирую я, начиная постепенно закипать.

– Не присылали.

– Присылал.

– Не присылали, – и так далее. Руби, которая и правда ничего не присылала, потому что провела в алкогольном угаре все шесть недель между окончанием учебы и началом работы, избегает такой же участи, сразу объявив, что справок не отправляла, так что избавила медсестру от трудов их терять. Сестра ей, похоже, благодарна. Я и остальные интерны, у которых документы «пропали» неизвестно куда, вместе с Руби отправляемся оформлять все заново.

– Видишь, я же тебе говорила, что лучше сходить в паб, чем возиться с этими дурацкими бумажками, – хмыкает Руби.

Четверг, 7 августа

Боже, это какой-то ужас! Гораздо хуже, чем я себе пред-

ставлял. Я просто больше не могу. Я так устал! И это только первая неделя. С другой стороны, через 51 неделю и два дня все будет кончено. Не так и долго, правда? Сколько там длится год?

Этим утром начался мой первый настоящий рабочий день. Приветственной церемонии почему-то не было. Все устроено следующим образом: в отделении работает две пары хирургов, к каждой из которых приписан один врач-резидент, один ординатор и двое младших врачей (это как раз мы, интерны). Вместе они называются «команда», хотя командой тут и не пахнет. Мне сразу становится ясно, что ординатор не ладит с резидентом. Еще яснее, что резидент не ладит с хирургами. Наша первая встреча напоминает праздник в семье, где все друг друга ненавидят, но терпят, сцепив зубы, ради детей. Мы с Суприей попадаем к мистеру Баттеурту и мистеру Прайсу. Они выбрали нас навскидку, когда мы подошли к сестринскому посту, как детей для школьной футбольной команды.

Четверо хирургов-консультантов причудливо сочетают в себе профессионализм и полное отсутствие навыков общения. Видя их вместе, со всеми недостатками напоказ, я не могу решить, с кем меньше всего хочу оказаться в команде. У молодого да раннего мистера Гранта, который вполне мог быть одним из персонажей *«Грандж Хилл»*, репутация человека крайне тяжелого. Благодарю свою счастливую звезду, что мне не придется с ним работать. Вытащив короткую со-

ломинку, Руби попадает к нему. Несмотря на то, что за шесть лет нашей совместной учебы Руби всегда удавалось выйти сухой из воды, сейчас я за нее немного волнуюсь.

Но тут, словно манна, посланная с небес, перед нами предстает ее второй консультант. Все женщины в отделении замирают. Медсестры впадают в экстаз. Пациентки женского пола всех возрастов и комплекций издают восторженный стон. Дети исцеляются, прикоснувшись к штанине его дорожных брюк. Определенно, перед нами покоритель сердец, Любимчик Домохозяек. Похоже, Руби опять повезло.

– Привет! Вы, наверное, новый интерн, – говорит он, игриво ей подмигивая и проводя рукой по своей блестящей темной шевелюре. – Тогда я – ваш консультант.

Он смотрит на Руби, его ноздри едва заметно трепещут, пока он скользит по ней глазами.

– Вы должны меня извинить, это мой первый рабочий день после отпуска в горах. Катался на лыжах, – разливается он. – Трассы просто великолепны. Нет ничего прекраснее, чем промчаться по свежему, нетронутому снегу.

Меня начинает тошнить, и я спешно отворачиваюсь, чтобы не видеть, как Руби хлопает ресницами и бормочет: «О, вряд ли я катаюсь так хорошо, как вы...» Любимчик снова подмигивает ей и уходит прочь по коридору, подтянутый и загорелый. Боже, ненавижу хирургов!

С приветствиями покончено, нас бросают посреди отделения. Никаких мудрых напутствий, слов поддержки или про-

сто дружеской беседы. Двое консультантов скрываются в тумане, Дэниел – ординатор, родившийся с такой здоровенной серебряной ложкой во рту, что она мешает ему говорить, – бросается за ними, кланяясь и пританцовывая, а мы остаемся с врачом-резидентом Сью, которая должна нам объяснить, что мы будем делать.

Судя по всему, Сью сегодня встала не с той ноги, хотя не исключено, что она всегда такая. Эта женщина холодна как лед. Сибирь, иначе и не скажешь. Ходят слухи, что она хотела стать ветеринаром, но не добрала баллов для поступления. Ее любовь к безмозглым зверушкам на интернов, похоже, не распространяется.

– Я вам не друг, я ваш начальник. Не трогайте меня, и я вас не трону, – начинает она.

Отлично. Наступают веселые времена.

Пятница, 8 августа

Наш первый обход отделения. Полная неразбериха. Когда мы являемся на место, выясняется, что Сью уже осмотрела половину пациентов. Никаких «здравствуйте» и прочих приветствий. Выдержав вчера целых полдня работы врачом, я уже думал – наивный! – что нас встретят словами «добро пожаловать назад» или даже «молодцы», хотя бы за то, что мы дожили до этого утра. Однако для ветеранов вроде Сью простого выживания недостаточно. Суприя между нами прозвала ее Старой Кошелкой из-за явственного сходства, и

внешнего, и по характеру, с одним из персонажей кукольного мультфильма. Сначала мне показалось, что это немного чересчур, но потом она так на меня посмотрела, когда я спросил про ее планы на выходные, что прозвище стало официальным.

Мы с Суприей весь день бродим по больнице, время от времени натываясь на других интернов, словно последние представители вымершего племени. Как направить пациента на рентген? Где бланки для анализов крови? Как связаться со специалистом по трудотерапии? Кстати, чем он вообще занимается? Спрашивать некого. Хирурги все в операционных, сестры заняты, а остальные интерны с нами в одной лодке – быстро тонущей лодке полного неведения.

Сестры, наблюдавшие эту картину уже тысячи раз, нашу растерянность просто игнорируют. Стоит тебе заглянуть в отделение, как на голову сыплются требования «подписать это», «еще раз осмотреть вон того пациента» или вопросы вроде «что там с последней операцией?».

К полудню я понимаю, что больше так не могу. Надо куда-то спрятаться от бесконечного потока вопросов, на которые я не знаю ответ и которых даже толком не понимаю. Захожу в ординаторскую и плотно прикрываю за собой дверь. Вздрагиваю, услышав внезапный шум, но тут, с чувством глубокого облегчения, вижу Руби, которая вылезает из-за шкафа с документами.

– Ну просто ни минуты покоя, да? – говорит она. – Паци-

енты, сестры, врачи, всем от тебя что-то надо.

Мгновение спустя в дверь влетает Суприя.

– Если еще кто-нибудь о чем-нибудь меня спросит, предполагая, что мне известен ответ, я закричу!

– Я тебя отлично понимаю, – отвечает Руби, – тут мы, похоже, в безопасности.

И у нее сигналист пейджер.

Суббота, 9 августа

Куча планов на первые выходные. Ворох нестиранной одежды, накопившейся за каникулы, маячит передо мной неммым упреком. Где-то в его недрах и мои рубашки на следующую неделю, которые я последний раз надевал на практические занятия, еще будучи студентом. Однако, проведя первую половину дня в кровати, а вторую прослонявшись по дому в сонном тумане, я так и не добрался до стиральной машины. И вообще, стирай – не стирай, они все равно опять испачкаются; к тому же после стирки их надо будет гладить, а глажка в моем списке приоритетов далеко не на первом месте. У докторов имеются куда более важные задачи. Например, спасать людям жизнь. Хотя, честно говоря, я начинаю думать, что у глажки есть свои преимущества.

Руби тоже провела большую часть дня в постели и поклялась не вставать, пока у нее не появятся пролежни. Как можно было так устать всего за три дня работы в больнице? Уму непостижимо!

Есть один звук, которого боится каждый начинающий врач. И это не детский плач из отделения скорой помощи, не вопли разбушевавшегося пьянчуги и даже не рывканье консультанта на обходе. Это короткий, пронзительный, леденящий душу сигнал пейджера. Метко прозванный «бипером», он, кажется, только тем и занят, что пищит с утра до вечера и с вечера до утра – живой символ ужаса перед неизвестностью, знакомый каждому молодому врачу. Ты робко набираешь высветившийся номер, не представляя, чего еще от тебя захотят; какой вопрос зададут, предполагая, что ответ тебе известен. Похоже на жутковатую телевикторину, но без перспективы получить денежный приз.

Сегодня рано утром я безо всякого удовольствия осознал, что, хоть и живу от больницы на некотором удалении, мой пейджер продолжает ловить сигнал диспетчерской. В четыре часа меня разбудил пронзительный писк, после чего скрипучий компьютерный голос принялся повторять: «Остановка сердца, остановка сердца». Я бросился рыться в своей сумке, карманах куртки и брюк, пытаюсь его отыскать, но безуспешно. Дальше помню только, как очнулся несколько часов спустя, скорчившись в позе эмбриона и прижимая пейджер к животу; он тем временем продолжал пищать, сообщая мне о пропущенном вызове. Позднее выяснилось, что пейджер Руби сработал тоже. А я уж подумал, что это только мой такой особенный.

Естественно, диспетчерская не будет разбираться, кто

сейчас на дежурстве и отвечает за неотложные вызовы, а кто нет. Дежурил в те выходные Льюис, и мне стало интересно, как он справился. Сообразил ли, куда надо бежать, когда поступает сигнал? Бросился ли с геройской отвагой спасти пациента или прятался в бельевой, пока им занимались «настоящие врачи»? Я с облегчением выдохнул при мысли о том, что сегодняшней ночной вызов был адресован не мне. А потом сообразил: это лишь вопрос времени.

Воскресенье, 10 августа

Звонок от мамы. Как я питаюсь, правильно? А белье постирал? Все еще курю? Да, да и нет, ну что ты, – отвечал я, сидя на краю постели, доедая манговый соус прямо из банки и любуясь на кучу грязной одежды, сваленной на полу. Могу я определить, есть у нее цистит или нет? Я закурил и глубоко затынулся, слушая, как мама на другом конце провода в подробностях описывает симптомы.

Понедельник, 11 августа

Выходные прошли в постоянном страхе от мысли о том, что придется возвращаться на работу. Мое невежество скоро совершенно точно выплывет наружу. Мне не надо было становиться врачом. Произошла ужасная ошибка.

Отчаянно нуждаясь в никотине, мы с Руби сбегали за корпус скорой помощи, прячемся позади мусорных урн и доставаем сигареты. Казалось бы, врачам и медсестрам курить не

полагается, но они, как известно, смоят почем зря. Наверное, все дело в работе, на которой они ежедневно сталкиваются со смертью, свыкаясь с ней. Однако сейчас я понимаю, что главная причина – возможность ненадолго вырваться из отделения, где дела валятся на голову одно за другим. Ну и пообщаться. Ты, может, и не доживешь до старости, зато на похоронах соберется куча народу.

И вот мы сидим за баками, попыхивая сигаретками, прерываемые разве что перезвоном пейджеров, и тут, неизвестно откуда, у нас за спиной раздается голос:

– Какое печальное зрелище – такие молодые, и уже сами себя убивают!

Оглянувшись, мы видим даму лет пятидесяти, похожую на школьную учительницу, с волосами, собранными в пучок. В своем белом халате она выглядит зловеще; раньше такие носили все врачи, но потом выяснилось, что на них инфекция может переноситься из отделения в отделение, и халаты вышли из обихода. Сейчас в них можно увидеть разве что упертых стариков, докторов из телесериалов ну и иногда какого-нибудь санитаря. Ни один нормальный, уважающий себя врач такой не наденет.

– Будем надеяться, вы успеете бросить до того, как нейрохимические трансмиттеры вашей мозговой коры понесут невосполнимый ущерб, – продолжает дама в халате.

Мы с Руби переглядываемся.

– Хм... да, будем надеяться, – отвечает Руби, приподняв

брови.

– Отвратительная привычка слабых людей. Придется за вами приглядывать, – говорит женщина, после чего исчезает так же быстро и бесшумно, как появилась.

– Кто такая эта корова? – спрашивает Руби.

– Не знаю, – отвечаю я. – Но волноваться ей не о чем. Если ничего не изменится, эта работа, – киваю головой в сторону больницы у себя за спиной, – убьет нас гораздо раньше, чем сигареты.

Вторник, 12 августа

Наконец-то закончили работу, с задержкой на несколько часов. Понятия не имею, что там со всеми этими пациентами в отделении. Не знаю даже, как выписать парацетамол, и это очень некстати. Вечером собирался почитать учебник по хирургии, но слишком устал. Руби заснула в ванне. Флора, еще одна наша соседка, начавшая работать в другой больнице, поблизости от нашей с Руби, тоже вымоталась до предела.

Сейчас же ложусь спать, потому что завтра дежурство – перспектива, от которой кровь стынет в жилах. Пейджер, никакой надежды вздремнуть, и максимум больных, какой только удастся на меня взвалить. Просто прелесть.

Среда, 13 августа

– Придите осмотреть мистера Кларка. Он меня серьезно тревожит. Ему стало хуже.

Молчание. Я моргаю. Сестра на другом конце провода не собирается облегчать мне задачу.

– Хм... ну... Что я должен делать? – наконец выдавливаю из себя я.

– Не знаю. Это же вы доктор. Но делать что-то надо, и быстро.

Время за полночь, я на ногах с восьми часов утра. Именно такого звонка я больше всего и боялся. Меня охватывает острое желание разрыдаться, но с учетом того, что это мое первое полноценное дежурство, я решаю придержать слезы до другого раза. Спешу в отделение. Свет горит только на центральном посту; там сидит несколько медсестер, заполняя бумаги.

– Все в порядке, доктор пришел, – говорит одна из них.

Обрадованный, я оглядываюсь, и только тут понимаю, что они имеют в виду меня. О господи.

У мистера Кларка терминальный рак, и, по словам сестры, он сам уже хочет скорее умереть. Ему под девяносто, ввалившиеся глаза на изможденном лице. Он страдает от мучительной боли, с трудом дышит и, помимо всего прочего, сестры предполагают у него сердечный приступ.

– Здравствуйте, мистер Кларк, я врач, что случилось? – спрашиваю я, не представляя, что еще сказать. Хотелось бы, чтобы он чудесным образом исцелился от одного моего появления, но вместо этого его дыхание становится еще более тяжелым.

Он поднимает на меня взгляд и хрипло шепчет:

– Помогите мне, доктор. Пожалуйста!

В голове пустота. Я понятия не имею, чем ему помочь. Ради таких вот мистеров Кларков я и стал врачом. Я наивно полагал, что, закончив медицинский факультет, научусь помогать людям, облегчать их страдания. Но сейчас, глядя на него, думаю только о том, зачем ему понадобилось умирать именно в мое дежурство. Разве нельзя было подождать?

На медицинском факультете нам объясняли, как работает организм, и что в нем может сломаться, а потом, в теории, как эти поломки устранить. Никто не говорил, что очень неплохо бы разбираться в тонкостях редких заболеваний, встречающихся у небольшого числа пациентов, но на практике эти знания мало чем помогут. В действительности там потребуются совершенно банальные навыки: как поставить катетер, направить пациента на ЭКГ, выписать лекарство или заполнить бланк анализа крови, то есть именно то, чему не учат в университете. Смешно, конечно, но мне казалось, что эти пробелы в знаниях нам помогут заполнить перед тем, как мы приступим к работе, но никто даже не сказал, в чем заключатся мои обязанности, где мне следует находиться или, самое главное, как выключать пейджер. У меня до сих пор не состоялось полноценного разговора с консультантом. По идее, прежде чем начать лечить больных, ожидаешь некоего введения в практическую сторону: небольшого надзора при выполнении процедур, которые до того никогда

не делал, возможно, даже краткого курса по распространенным ошибкам, способным привести к смерти пациента. Но нет, это было бы слишком просто. Мне даже не показали, как пользоваться больничным компьютером, так что я все еще не могу назначать анализ крови. Я стою в палате мистера Кларка, понимая, что он и его проблемы мало меня волнуют. Больше всего я переживаю о том, чтобы не совершить ошибки, не навлечь на себя неприятности. Нет, так не должно быть.

Что же мне делать? Я открываю его карту, и взгляд натывается на последнюю запись: «В случае ухудшения вызывать команду паллиативной помощи по пейджеру 0440». Набираю номер и с сияющей улыбкой передаю мистера Кларка другому врачу, ответившему по телефону. Дело сделано, великолепно. Кризис предотвращен.

Несколько часов спустя, когда мне удастся, наконец, добраться до койки в дежурке, пейджер снова сигналист. Я хватаюсь за телефон: медсестра сообщает, что мистер Кларк умер и команда паллиативной помощи только что покинула отделение.

– Вам надо засвидетельствовать факт смерти, – говорит голос в трубке.

– А, ну да, конечно. А как это делается? – спрашиваю я, пытаясь припомнить инструктаж, который мы всего пару дней назад проходили у патологоанатома.

– Я не знаю, – следует ответ, – это же вы доктор.

Четверг, 14 августа

Я пережил опыт, страшнее которого не бывает на свете: продежурил целую ночь. Самостоятельно. Ну ладно, не совсем. Примерно в полночь, как раз перед тем, как меня вызвали к мистеру Кларку, Кошелка Сью, врач, дежурившая вместе со мной, ушла поспать.

– Сигналь на пейджер, если что случится, – буркнула она, удаляясь в дежурку, – но не вздумай меня будить из-за какой-нибудь ерунды, понял?

Но у меня нет стопроцентной уверенности в том, что я правильно расцениваю понятие «ерунда». Сердечный приступ – это ерунда? А горловое кровотечение, при котором кровь изо рта хлещет как из ведра – уже не ерунда, так ведь? Нет, это неотложный случай, для которого моей компетенции определенно недостаточно. Хотя в последнее время я все чаще гадаю, для чего вообще ее хватило бы. К счастью, если не считать мистера Кларка, прошлая ночь прошла в целом спокойно. С назначением лекарств я справился довольно легко, на самом деле просто переписывая предыдущие рецепты. Так что вызывать Кошелку Сью надобности не возникло. Ни разу. Этим утром, несмотря на то, что она, по моим подсчетам, проспала не меньше шести часов, вид у нее был такой, словно она всю ночь карабкалась по склонам Килиманджаро. Я же явился в отделение после двухчасового рваного сна – да-да, именно двух! – точно к началу утренне-

го обхода, пребывая в превосходном настроении. Остальные его участники, однако, на меня едва взглянули.

– Начнем, – пробормотал мистер Баттеруорт куда-то в пространство и двинулся вперед, сопровождаемый подобострастным Дэниелом в наглаженной рубашке с галстуком.

Я схватился за тележку с картами и уже подкатывал ее к первой кровати, когда Кошелка Сю пронзила меня взглядом.

– Где кофе? – сказала она.

– Где что? – переспросил я.

– Кофе. Ты приносишь всем кофе перед обходом, – рявкнула она.

– О, и слоеную булочку, если кто пойдет, – встрепенулся мистер Баттеруорт, демонстрируя при этих словах больше оживления, чем за всю прошедшую неделю.

– Хм, не знал, – ответил я.

Дэниел закатил глаза.

– Ты хоть что-нибудь можешь сделать по-человечески? – фыркнула себе под нос Кошелка Сю, разворачиваясь и направляясь в буфет.

Ну, покупать кофе и булочки я могу совершенно точно. В этом я специалист. Хорошо бы весь следующий год мне удалось отделяться доставкой еды и напитков. Вроде того парня, который приносит футболистам в перерыв апельсины, только имея при этом высшее образование.

Пятница, 15 августа

Выходные внезапно приобрели для меня совершенно новый смысл. Работа, в отличие от учебы, означает, что все дела, которые не успеваешь сделать за неделю, приходится откладывать на субботу и воскресенье. Все бы ничего, но ведь так поступают и остальные. Теперь я понимал, откуда берутся муторные бесконечные пробки на Северном кольце при подъезде к ИКЕА: дело вовсе не во внезапном порыве, побуждающем людей толпами ломиться за диванными подушками и стеллажами из необработанной древесины, просто выходные для работающего человека – единственная возможность все успеть.

Я вообще узнал много такого, о чем в студенчестве понятия не имел. Например, что химчистка стоит дорого и всегда закрыта, когда пытаешься в нее попасть. В настоящий момент там находились в заложниках четыре пары моих брюк, вызволить которые у меня никак не получалось. Дважды за эту неделю я пытался их заполучить и дважды из-за задержек на работе не успевал к закрытию.

У Руби оказались те же проблемы. Она сообщила, что если не предпримет решительных действий на организационном фронте, то в понедельник ей придется идти на работу в вещах, добытых из корзины с благотворительными пожертвованиями для бездомных, стоящей на нашей улице.

Понедельник, 18 августа

Я подумал, что мы крайне редко видим Дэниела, ординатора. Хотя он всего на пару лет старше, ему как-то удается избегать работы в отделении: вместо этого он постоянно сбегает получать «практический опыт» в операционной. Я ничего не имею против, но сам скорее сжевал бы собственные ботинки, чем проводил время, засунув руки по локоть в чей-то живот. Помимо четырех постоянных хирургов-консультантов у нас есть еще двое с частичной занятостью – мистер Ричи и мистер Рашмор. Эта парочка явственно смахивает на вампиров: оба настораживающе бледные и костлявые. Мистер Рашмор на 4–5 сантиметров повыше мистера Ричи, но за исключением разницы в росте внешне они практически не различимы. Собственно, я ни разу не видел их вместе, из чего делаю заключение, что это один человек, создавший свою одушевленную копию, чтобы получать двойную зарплату. Судите сами: каждый из них входит в кабинет только после того, как его покинет другой; они никогда не присутствуют одновременно на собраниях; и оба имеют неприятную привычку во время разговора смотреть мимо собеседника, словно пребывают на другой планете.

Они сосудистые хирурги – вены, артерии и все в этом роде, выражаясь человеческим языком, – поэтому либо удаляют варикозные вены у себя в частных клиниках, либо пытаются остановить потоки крови, хлещущие из какого-нибудь бедняги, у которого лопнуло что-то внутри.

Дэниел мечтает работать в той же области хирургии, по-

этому бегает за ними следом, словно бездомный щенок, виляя хвостом и пуская слюни. Буквально сегодня утром, разыскивая больничный секретариат, я случайно заглянул в прозрачные двери одной из операционных, и тут же увидел, как фонтанчик алой жидкости взметнулся в воздух и забрызгал пол на несколько метров вокруг.

– Черт, у нас тут протечка, – воскликнул мистер Ричи, и Дэниел усердно закивал в ответ.

Я побледнел и быстренько пошел своей дорогой.

Видимо, именно из-за постоянных контактов с кровью, брызжущей под давлением, у мистера Ричи и мистера Рашмора на одежде, если приглядеться, всегда где-нибудь найдется пара кровавых пятнышек. Или так, или это следы их последней жертвы. Конечно, нельзя исключать простого совпадения, но разве может нормальный человек по доброй воле выбрать такую кровожадную специальность? В следующий раз, когда буду стоять за Дэниелом в очереди в буфете, постараюсь приглядеться, нет ли у него на шее следа от зубов. И попрошу двойную порцию чесночного хлеба. Так, на всякий случай.

Вторник, 19 августа

Мой пейджер трезвонит не умолкая. Какая бы проблема ни возникла, вызывают меня, и она становится моей. Сложно сказать, какие звонки раздражают сильнее всего, но один из лидеров рейтинга, совершенно точно, – вызов, поступающий

из отделения, откуда ты только что вышел.

– Доктор, вы не могли бы подойти выписать парацетамол для койки 15? – говорит бестелесный голос в трубке.

– Но я же только что у вас был! – и медсестра в ответ просто повторяет все еще раз.

Также одну из верхних строк занимает тот факт, что они никогда не говорят, из какого отделения вызов, и о каком пациенте идет речь, словно мы общаемся телепатически. Но если так, зачем вообще нужен пейджер? Список можно продолжать бесконечно.

Сегодня меня вызвал по пейджеру Льюис. Руби дежурила с ним вместе прошлой ночью, и ей совсем не удалось поспать, поэтому она пораньше сбежала домой, оставив Льюиса обороняться в одиночку.

– Макс, ты должен мне помочь, – воззвал ко мне Льюис из телефонной трубки, когда я перезвонил по номеру на экране.

– А в чем дело? Что случилось? – спросил я, гадая, зачем ему сдалась моя помощь, если он закончил учебу одним из лучших на курсе.

– Тут пациентка умерла, – ответил голос в телефоне.

Я немного растерялся.

– Неожиданно? – поинтересовался я.

Звучит странно, но в действительности есть пациенты, гибель которых возможна и предсказуема, а есть те, чей уход становится неожиданным.

– Мне надо засвидетельствовать факт смерти. Ну, то есть

что она правда умерла. Я раньше ни разу не видел покойников, ну разве что на анатомии в универе. Понимаешь, вообще не видел никого, кто... ну понимаешь, умер, – взмолился он.

– Я понятия не имею, что делать. Макс, у тебя ведь это уже было, можешь прийти мне помочь?

Я живо припомнил, как жутко было освидетельствовать мистера Кларка. Поэтому, несмотря на то, что мой рабочий день давно закончился, я поспешил к Льюису, торчавшему перед боксом, куда перевезли тело пациентки.

– Ты заходи первый, – сказал он, подталкивая меня к двери.

Я вошел, и мгновение мы с ним постояли в почтительном молчании. Тело миссис Липтон лежало на койке, волосы мягко обрамляли безжизненное лицо. Сестры уже привели труп в порядок, обмыли и до подбородка накрыли простыней.

Уголком глаза я наблюдал за Льюисом. Несмотря на 95 килограммов веса и репутацию громилы-регбиста, вид у него был потрясенный, а руки автоматически разглаживали простыню в ногах кровати.

– Ты когда-нибудь думаешь о смерти? – спросил он.

– Иногда, – ответил я.

– Так странно, что ее тут больше нет, правда? – сказал Льюис.

Потом добавил:

– А ты веришь в Бога?

– Нет, – ответил я, решив, что сейчас, пожалуй, не лучшее время затевать теологическую дискуссию.

– Я хожу в церковь, но все равно как-то не уверен. Слишком уж просто получается, – продолжил он, не отклоняясь от темы.

– Мне казалось, ты христианин. Единственный на медицинском факультете. Разве нет? – поинтересовался я.

В университете мы с Люисом особо не дружили, но он запомнился мне по Ярмарке новичков, на которой без всякого стеснения перемещался между стендами Общества геев, лесбиянок и бисексуалов, Христианского братства и команды по регби, и вызвал мое уважение хотя бы тем, что выделялся на фоне обычных представителей среднего класса, тех, у кого «папа-тоже-врач», то есть большинства студентов-медиков. Мне всегда казалось, что раз врачи лечат больных из всех слоев общества, то и среди них должны быть разные люди. Однако, хоть разница и просматривалась, студенты были, в основном, из обеспеченных семей. С другой стороны: шесть лет в университете, плата за учебу, никаких грантов, да еще надо на что-то жить – мало кто может такое себе позволить.

– Ну да, я вроде христианин, но медицина и вообще все это, тут волей-неволей задумаешься, правда? – сказал Люис.

Я кивнул. Пока наши ровесники сидели за компьютерами

или на совещаниях, мы стояли в боксе, глядя смерти в лицо, и пытались найти ответы на самые сложные вопросы, с которыми сталкивается человек. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Она мне очень нравилась, – сказал Льюис. – Работала кондуктором в автобусе, который ходил к дому моего дяди. Конечно, она вышла на пенсию еще до моего рождения, но совпадение забавное, правда же?

Мы еще мгновение постояли в тишине, размышляя. У меня ком подступил к горлу. Миссис Липтон умерла без мучений, она прожила хорошую жизнь и скончалась в окружении родных, но все равно это было чрезвычайно грустно, даже слишком, для двух начинающих интернов после какой-то пары недель работы. В глазах у Льюиса стояли слезы. Я сделал вид, что ничего не заметил.

Вдвоем мы провели необходимые проверки, чтобы убедиться, что она действительно мертва, окончательно и бесповоротно. Справившись со своей задачей, мы вышли из бокса, почтительно кивнули родным, дожидавшимся за дверью, не представляя, что еще можем сделать или сказать, и покинули отделение.

– Господи, только подумай, каково умереть в таком вот месте, – сказал Льюис, окидывая взглядом лампы дневного света на потолке и облупившуюся краску на стенах коридора.

– Лучше подумай, каково провести в таком вот месте всю

свою жизнь, — ответил на это я.

— И то правда! — хохотнул Льюис, и мы пошагали к автобусу, чтобы ехать домой.

Среда, 20 августа

Сегодня снова дежурство. На этот раз не только в самой больнице, но еще и в отделении скорой помощи, где надо осматривать больных, которым, по мнению тамошних врачей, требуется хирургическое вмешательство. Начало смены прошло пугающе спокойно, так что я с огромным — без шуток — удовольствием посмотрел по телеку *«Несчастный случай»*. До чего же в сериалах все просто! Врачи не бродят по отделению, разыскивая бланки для анализа крови, и не выясняют на ходу, как отправить пациента на рентгенографию грудной клетки. Компьютеры никогда не ломаются, а телефоны, хоть и звонят где-то на заднем плане, сразу замолкают, если случается драматический момент.

Четверг, 21 августа

Обходы отделений напоминают окопную войну, и интерны всегда оказываются на линии огня. Каждое утро Старая Кошелка ведет свои войска в атаку, обегая пациентов на угрожающей скорости и ворчливо перечисляя для нас задачи на день, которые мы поспешно помечаем в «списках дел», одновременно делая записи в картах, раздвигая занавеси вокруг кроватей с пациентами, подвигая столы и стулья и

двигая тележку.

Дэниел не снисходит до того, чтобы помочь, а лишь ухмыляется нашей неловкости, словно старший брат, наблюдающий за тем, как младших отчитывают почем зря. Мы должны выписывать лекарства из списка назначений, перевязывать раны, брать образцы тканей. Считается, что интерны – это смазка, помогающая больничной машине работать гладко, но мне все чаще кажется, что мы для нее – досадная помеха. Когда врач шепчет себе под нос, так что ты слышишь и понимаешь только наполовину, а пациент при этом всхлипывает, да еще тележка с картами сама собой начинает катиться куда-то по коридору, становится ясно, почему так происходит.

Мистер Баттеруорт и мистер Прайс делают обход отделения дважды в неделю, и непременно тогда, когда случается какая-нибудь катастрофа. На их обходах даже врачи-резиденты выглядят испуганными, потому что внезапно сами оказываются на линии огня, а их решения относительно лечения пациентов, сделанные в течение недели, подвергаются придирчивому разбору. Хотя наша Кошелка Сью и не самый дружелюбный на свете персонаж, во время этих обходов мне становится ее жалко. Консультанты (ходят слухи, что они говорили, будто ей лучше сидеть дома и воспитывать детишек) либо ее чихвостят, либо вообще не удостоивают вниманием. Старой Кошелке наверняка нелегко такое выносить, особенно с учетом того, что большую часть ра-

бочего времени ей приходится проводить в операционной, трудясь под их критическим оком. Консультанты появляются также в конце своих дежурств, проводя завершающий обход. Довольно странно думать, что у них тоже бывают дежурства, ведь они, подобно полководцам, руководящим армией из укрытия, обычно предпочитают держаться подальше от поля боя. Все срочные операции проводит дежурный хирург, а консультанта вызывают только в случае осложнений. Поговаривают, что однажды мистер Баттеруорт явился в больницу в тапочках, допивая какао из термокружки. Боже меня упаси от такого зрелища!

Сегодняшний завершающий обход был поистине чудовищным. При свете дня незначительные дурацкие ошибки, сделанные мной в ночную смену, приобретали беспощадную очевидность. Почему я не назначил этот анализ крови? Почему назначил этот? Где снимки этого пациента? Я что, вообще не отправил его на рентгенографию? В теории мы должны быть единой командой, в которой врач, ординатор и интерн, дежурившие прошлую ночь, поддерживают друг друга. На самом же деле консультант задает вопрос и смотрит на врача, который оборачивается и смотрит на ординатора, который оборачивается и смотрит на интерна, который упирается глазами в пол. Единственное, что помогает тебе пережить обход, – мысль о том, что следующий еще не скоро.

Воскресенье, 24 августа

Завтра снова дежурство. Не успеваешь прийти в себя после сражения, как начинается следующее. Флора дежурит в выходные. Теперь мне ясно, что станет в будущем с нашей компанией: когда я свободен, остальные либо работают, либо отсыпаются после дежурства, когда я работаю, у них выходной. Договориться о встрече невозможно, остается слоняться по квартире, пытаюсь припомнить времена, когда мы жили нормальной жизнью.

Решив, наконец, что-то сделать с кучей грязной одежды на полу, которая разрослась до таких размеров, что ей скоро можно будет присвоить собственный почтовый адрес, я обнаруживаю, что стиральная машина вышла из строя. На нынешней стадии приходится всерьез задуматься о том, как соорудить себе наряд из занавески в цветочек, чтобы было в чем появиться на обходе в понедельник. Руби, очнувшись от четырнадцатичасового беспробудного сна (в какой-то момент я уже решил, что она впала в кому), – на грани апоплексического удара.

– Дурацкая штукавина! – кричит она, колотя машинку ногами.

Всю субботу мы сидим дома, дожидаясь сантехника, который звонит в пять, чтобы сообщить, что наш вызов придется перенести на будни, и добавляет, что работает с девяти до пяти.

– Но в будни мы все на работе, – объясняю я.

– Ну так отпроситесь.

С трудом удерживаюсь от того, чтобы поведать ему, что у нас не бывает времени отлучиться в туалет, не говоря уж о том, чтобы уйти с работы ради визита сантехника.

Пока я говорю по телефону, Руби прибегает к крайним мерам: яростно раскачивает машинку взад-вперед. Внезапно та взывает, содрогается и возвращается к жизни.

– Руби, ты гений! – восклицаю я, обрывая разговор с сантехником.

– Как тебе это удалось?

– Понятия не имею, – отвечает она, наблюдая, как наши вещи крутятся в барабане.

Реши теперь Руби, что интернатура для нее – это слишком, она вполне сможет заняться починкой стиральных машин. Платят там наверняка лучше, да и график неплохой.

Понедельник, 25 августа

Миссис Керриган не спится. Обидно, что понимает она это только ближе к трем часам ночи, и еще обидней, что именно мне сестра решает позвонить с просьбой выписать ей снотворное. Сестры подозревают, что ей просто хочется поговорить. Раньше я никогда не назначал снотворные, но радость новизны, когда делаешь что-то в первый раз, поблекла уже пару недель назад.

Я иду к миссис Керриган, которая сидит с прямой спиной на кровати и читает вчерашнюю газету. Хорошо бы у нее имелись любимые таблетки, чтобы не пришлось копать в

справочнике.

— О, мне все равно, доктор, какие вы сочтете подходящими, — отвечает она на мой вопрос.

— А какие вы принимаете обычно? — спрашиваю я, отчаянно желая, чтобы она просто назвала лекарство, я бы его назначил и успел вздремнуть до утреннего обхода в семь часов.

— Видите ли, обычно у меня нет проблем со сном. Были только раз, на почве стресса, когда мы переезжали. Вам когда-нибудь случалось переезжать?

Миссис Керриган явно страдает от одиночества: я немедленно узнаю, что муж ее скончался 12 лет назад после сорока лет брака; детей у них не было; готовить на одного не так и легко, а кстати, как я считаю, Кэрол Вордерман правда настолько умная, и так далее, и тому подобное.

Я присаживаюсь на краешек ее кровати. Это первый раз, когда мне удастся присесть, за последние 15 часов; ноги страшно болят, так что я втайне от миссис Керриган сбрасываю обувь в предчувствии нескорого освобождения.

Сигнал пейджера заставляет меня очнуться. Похоже, я только что задремал прямо перед миссис Керриган. Интересно, у меня слюна не капала на галстук? Она, похоже, ничего не заметила и продолжает многословно расписывать тяготы подготовки на одну персону. Я не совсем понимаю, какое отношение к этому имеет Кэрол Вордерман.

— Извините. Придется ответить.

Может, это шанс удачно отделаться: разговорчивая пациентка с бессонницей и энциклопедическими знаниями по кулинарии – настоящий кошмар врача-практиканта. Я перезваниваю по номеру на пейджере. Сестра на другом конце провода сильно встревожена. Похоже, у одного из пациентов в отделении почечная недостаточность, моча не отходит целую ночь. Неотложный случай.

Только без паники, уговариваю я себя, отчего немедленно начинаю паниковать. Бегом бросаюсь в сторону отделения, где находится пациент с почечной недостаточностью, потом возвращаюсь, чтобы обуться. В сериале *«Скорая помощь»* такого не бывает. Стоит мне добраться до отделения, как пейджер срабатывает снова. У другого пациента, в другом конце госпиталя, вырос уровень калия. Снова неотложный случай. Застываю на месте. В спокойной, размеренной атмосфере университета нас учили, как действовать при неотложных случаях, и мы покладисто зубрили наизусть протокол. Однако никто не объяснял, какая неотложность экстреннее остальных. Высокий уровень калия приводит к остановке сердца – это плохо. Но и почечная недостаточность тоже не сахар. Сонливость мою как рукой сняло. Бегу в первое отделение, быстро просматриваю карту пациента, даю начальные указания. Разворачиваюсь и бросаюсь сломя голову в другое отделение; стук моих шагов эхом разносится по пустым коридорам. Бегаю туда-сюда какое-то время, ничего не успеваю, лишаюсь последних сил и тут обращаю вни-

мание, что пациентам вроде бы не становится хуже, что вызывает определенные подозрения. После перерыва возвращается медсестра.

– О, извините, у него нет почечной недостаточности, моча отходит нормально. Просто забыла внести это в карту сегодня вечером.

Она смеется, а я, запыхавшийся, с кучей бумаг, прижатых к груди, в сбившемся на сторону галстуке и торчащей из штанов рубашке, почему-то не вижу тут ничего смешного.

– Прошу прощения, это шестое отделение, хотела вам сказать, что анализы на калий оказались старыми, их вложили в карту по ошибке. Вчера анализ брали повторно, все в норме. Еще раз извиняюсь.

По пути назад в дежурку вспоминаю про миссис Керриган и заглядываю к ней.

– Не беспокойся, Макс, – говорит одна из сестер, – она заснула, стоило тебе уйти.

Я отодвигаю штору и в темноте вижу силуэт миссис Керриган, которая сидит в той же позе, но уронив голову на плечо, и похрапывает. Когда я добираюсь до дежурки, уже светает. До утреннего обхода не больше часа, лечь спать не имеет смысла. Я провожу этот час, сидя в одиночестве над обедом из микроволновки и пересматривая «Обратный отсчет».

Среда, 27 августа

У Руби неприятности. Не с Любимчиком Домохозяек, в глазах которого у нее вообще нет недостатков и который, по моему, уже избрал ее следующим объектом своих сексуальных чар. Его жертвами, по слухам, циркулирующим в госпитале, ранее стали все сотрудницы женского пола без старческого недержания и с полным комплектом зубов. Нет, у нее проблемы с мистером Грантом. Льюис утром опоздал на обход, и, хотя обычно консультанты не устаивают интернов даже взглядом, не говоря о том, чтобы проявлять к нам хоть малейший интерес, примерно на середине обхода мистер Грант обернулся к Руби и спросил своим громовым басом:

– А где негритенок?

– Какой негритенок? – переспросила Руби, искренне не догадываясь, кого он имеет в виду.

Мы с Суприей ждали, пока Старая Кошелка закончит говорить по телефону; при этих словах мы замерли возле поста, обратившись в слух.

– Тот черный, твой напарник. Обратно на пальму залез что ли? – продолжал он, не обращая внимания на разинутые рты Руби и пациентов. Хирурги вообще славятся грубостью и реакционными взглядами, но мистер Грант, учившийся политкорректности, судя по всему, прямо у Рона Аткинсона, выделялся даже на их фоне.

Руби, всегда готовая подхватить перчатку, не собиралась спускать ситуацию на тормозах.

– Что вы сказали? – спросила она, делая шаг ему навстречу.

– Не заставляй меня повторять. Твой напарник. Вас же двое. Где второй?

– Вы имеете в виду Льюиса? Вашего интерна? – поинтересовалась Руби, охваченная праведным гневом.

– Плевать, как его зовут, почему его нет? – взревел мистер Грант.

Любой, кто, подобно Руби, рассчитывал сделать карьеру в сфере хирургии, сообразил бы, что на этом разговор лучше свернуть.

– Вы не имеете права называть его «негритенком». Это расизм! Просто отвратительно! – воскликнула она, игнорируя призывы остальных участников обхода замолчать.

– Тебе стоило бы знать свое место, дорогуша, – рыкнул мистер Грант.

– Я вам не дорогуша, и это расизм – называть людей «негритятами». Вам бы понравилось, если бы про вас спрашивали, «а где тот уродливый жирдяй с прыщами»?

Мистер Грант развернулся и направился к следующему пациенту.

– А теперь, если прислушаться, – сказал Клайв, хирург, к которому была приписана Руби, катя тележку с картами, – мы услышим звук смыва, с которым карьера Руби только что уплыла в унитаз.

Но Руби плевать на него хотела. Вот почему она – мой

друг.

Четверг, 28 августа

Повторное явление антитабачной фашистки в белом халате. Я спокойненько покуривал в компании нескольких медсестер, готовясь вернуться в отделение скорой помощи, где снова дежурил. Они ушли, а я остался еще на одну сигаретку.

– Вижу, вы так и не набрались сил бросить и перестать себя убивать, – словно из воздуха раздался пронзительный голос.

Я обернулся и увидел эту поборницу здорового образа жизни прямо перед собой. Вздрогнул и сказал:

– Вы меня напугали.

– Испугаетесь еще больше, когда обнаружите, что заработали рак легких и вас ожидает медленная мучительная смерть, – безапелляционно ответила она.

Без Руби я уже не чувствовал себя так уверенно.

– Хм... понимаете, я собираюсь бросить. Как только отработаю год, – забормотал я в надежде, что она оставит меня в покое.

Ноздри у нее дрогнули.

– Помните, я присматриваю за вами и за той, второй, с которой вы сюда приходите, чтобы себя убивать, – продолжила она.

– Руби. Ее зовут Руби, – выпалил я, поддавшись оруэлловскому предательскому импульсу. Упомянуть о том, что

именно я посадил Руби на сигареты еще на первом курсе, почему-то показалось мне не особо уместным.

– Очень надеюсь, что больше вас здесь не увижу.

Я выдохнул дым, а вместе с ним, словно по волшебству, развеялась и она.

Пятница, 29 августа

Сочетание изматывающей усталости и постоянной тревоги о том, что ты, в худшем случае, ненароком убил кого-то из пациентов, а в лучшем – не сделал чего-то важного, нарушив весь график операций на следующий день, уже дает о себе знать. Кажется, мозг должен бы радоваться той малой доле отдыха, что ему достается. Однако вместо того, чтобы погрузиться в старый добрый беспробудный сон, он начинает демонстрировать неприятную тенденцию, которую отмечают у себя и другие интерны – каждый день нам снится работа. На это никак нельзя повлиять. Сон – единственное наше время, свободное от работы, так почему же мозг позволяет ей проникать даже сюда? Мне снится, что я бегу по бесконечным коридорам, пейджер разрывается от звонков, а медсестры со всех сторон задают мне вопросы, которых я не понимаю и на которые не знаю ответа.

Я просыпаюсь, понимаю, что это был сон, но тут же иду на работу и понимаю, что снова оказался в том же самом сне.

Суббота, 30 августа

Мое первое дежурство в выходные. Суббота в больнице – кошмарный день. Ты пропускаешь уикенд, когда остальные отдыхают и развлекаются, торчишь в отделении скорой помощи, зашивая раны и наблюдая, как ситуация постепенно выходит из-под контроля. К счастью, будучи интерном, мне редко приходится иметь дело с безмозглыми идиотами, составляющими большинство тамошних пациентов по ночам субботы и воскресенья. Однако даже проходить по коридору мимо этих придурков, в большинстве получивших свои травмы под действием алкоголя, и то нелегко. Постоянный персонал скорой помощи вообще ничем не удивишь. Они все уже видели, слышали и проходили до этого много раз. Уверен, случись на планете ядерная катастрофа, выживут только тараканы и работники скорой.

Проходя мимо парня, лежащего на койке в окружении полиции, пока сестра записывает его данные, я испытываю настоящее потрясение. Сестра, несколько не обеспокоенная видом пациента, оживленно беседует с одним из полицейских.

– Эй, вы врач? – спрашивает парень, заметив, что я смотрю на него.

– Хм... да, – неуверенно отвечаю я.

Оторвать взгляд нет никакой возможности: прямо у него из головы, под прямым углом к лицу, торчит что-то вроде рукоятки от метлы. Кровь тоненькой струйкой стекает по виску на щеку, где быстро высыхает.

– Можете это вытащить? – спрашивает он.

Молча пялюсь на его голову.

– Да не волнуйтесь так, мне совсем не больно, – говорит он.

Вероятно, парень догадывается, что я не слышу его слов, не в силах отвлечься от палки, торчащей из виска.

– До мозга-то она не дошла! Тот мужик ее пополам переломил и только потом мне вдарил. Прямо в череп всадил, – объясняет он.

– А-а, понятно, – отвечаю я, чувствуя себя словно в одной из серий «МЭШ», глядя на предмет, который он мне протягивает.

– Можете меня сфоткать? – спрашивает парень, передавая мне мобильный телефон.

– Друганы ни за что не поверят, что оно так было.

Не могу с ним не согласиться, поэтому подчиняюсь.

Воскресенье, 31 августа

Конец первого месяца. Количество смертей – ноль. Определенно 6 лет на медфаке не прошли зря. Должен, однако, признать, что и количество пациентов, героически спасенных мною как в «Холби Сити», тоже ноль. Ну, где-то выиграешь, где-то проиграешь, правда?

Сентябрь

Понедельник, 1 сентября

Поверить не могу, что работаю уже почти месяц, но ситуация несколько не улучшается.

Самое смешное, что для работы интерном собственно медицинских познаний требуется крайне мало. Решения за нас принимает консультант или врач-резидент. Интернам следует просто обеспечивать соблюдение этих рекомендаций. Каждый из моих консультантов оперирует один день в неделю. Мы должны проследить, чтобы до этого момента с пациентами ничего не случилось, чтобы у них взяли все положенные анализы, а результаты внесли в карты, ну и чтобы после операции их состояние не ухудшилось. Согласитесь, на первый взгляд ничего сложного. Тебе говорят, что надо делать – ты делаешь. С высшей математикой не сравнить. Или даже с нейрохирургией. Однако неизвестное в этом уравнении, вечное пятое колесо в телеге, – это наличие некой враждебной силы, которая только и глядит, как бы помешать нашей работе и обречь на полный провал.

Например, рентгеновские снимки. Мистер Прайс, торакальный хирург, ни за что не возьмется за скальпель, пока лично не прочтет отчет рентгенолога, подтверждающий, что на снимках у пациентки, ожидающей операции на молочной железе, все чисто. Поэтому примерно за неделю она прихо-

дит на предоперационное обследование, которым занимаются интерны. Мы даем ей направление на рентген, отыскиваем карту и сопровождаем пациентку в рентгенологическое отделение. К концу рабочего дня в кабинете рентгенолога лежит аккуратная стопка снимков, дожидаящихся описания... которая бесследно исчезает, и никто не знает куда. Подозреваю, где-то в больнице есть кабинет, в котором высятся горы рентгеновских снимков, аккуратно разложенных по конвертам с надписью «Срочно: на описание». Если нет, то я понятия не имею, куда они могут деваться. А уж я, поверьте, достаточно времени потратил на розыск.

Каждую неделю происходит одно и то же. Накануне того дня, когда мистер Прайс будет оперировать, начинаются судорожные поиски снимков и их описаний. По-быстрому удастся найти один, максимум два. Соответственно, четыре – пять объявляются пропавшими без вести. И тут уже неважно, сколько лет ты проучился на врача, гораздо важнее, как часто смотрел *«Коломбо»* по телевизору. Рентгенолог, когда его удастся найти, со всей убедительностью заверяет, что никогда их не видел. Это определенно не так, потому что каждый раз, без исключения, выясняется, что он-то их и видел, причем последним. Сегодня, например, пропаж было три, и одну обнаружили прямо у него под столом.

– Ну, я его туда точно не клал, – заявил рентгенолог оскорбленным тоном, как будто я специально спрятал снимок там.

Тут вступает в действие золотое правило медицины: старший по должности всегда прав. Без исключения.

Третий снимок нашла Максина. В чем заключаются ее прямые обязанности – тайна, покрытая мраком. Единственное, чем она занимается – это поиски пропавших снимков. А поскольку в больнице она уже 20 лет, то понаторела в этом изрядно. Она может запросто поинтересоваться:

– А за батареей смотрел? – будто это самое обычное место для хранения рентгеновских снимков. – Если описывать должен был доктор Палаши, они наверняка там. Вечно заваливаются за батарею у него в кабинете.

Вне всякого сомнения, требуются годы работы, чтобы набраться подобных знаний. По слухам, она на самом деле должна оформлять снимки в архив после того, как пациент вылечился и выписался домой. Однако всякий раз, когда я вижу Максину, она стоит на коленях вся в пыли и копается под каким-нибудь шкафом в поисках очередной пропажи.

Судя по всему, в детстве она хотела стать археологом, и, по-моему, археология без нее много потеряла, хотя медицина, конечно, осталась в выигрыше. Достаточно сообщить ей фамилию пациента и исследуемую часть тела: если снимок побывал в ее руках, она его вспомнит.

– Да-да, был рентген запястья пару месяцев назад, но тазобедренного сустава я не видела, – сообщила она при нашей первой встрече, когда я поинтересовался бесследно исчезнувшим снимком кого-то из пациентов. Однако этим утром

даже Максина не может отыскать одну из пропаж. Перевернув вверх дном все рентгенологическое отделение, я вынужден признать свое поражение.

В этот момент доктор Палаши, худой и высокий, с острым носом, на котором элегантно сидят очки в дизайнерской оправе, проходит мимо нас со стопкой конвертов руках. Вообще-то мы его уже спрашивали. Наверняка он описывал снимок, но как это доказать?

– А вы... нет-нет, конечно, это вряд ли, но... не могло так получиться, совершенно случайно... что вы *все-таки* видели рентген грудной клетки мистера Уэстона? Ну вдруг, доктор Палаши? – спрашивает Максина и тут же, в точности как в «Колумбо», подхватывает, прежде чем он ответит:

– Ну конечно нет, как глупо с моей стороны!

Она уже совсем готова усесться за стол и вернуться к работе, но вдруг поднимает глаза.

– Ах да, доктор Палаши, простите, что снова вас беспокою, но не у вас ли ключи от большой смотровой?

Он роется в кармане.

– Давайте-ка я вам помогу, – предлагает Максина.

То, что происходит дальше – просто песня: прежде чем он успевает среагировать, она выхватывает у него из рук стопку снимков и, пока доктор Палаши ищет ключи, быстро пролистывает конверты.

– Вот же! – громко восклицает она.

Все-таки снимок был у доктора Палаши. Весь день он про-

носил его с собой.

– Ах, этот! Да, я как раз собирался его описать. Задержался немного. Почему вы не сказали, что ищете именно его? – смущенно произносит он.

– Мы говорили. Мы весь день вас про него спрашиваем, – отвечаю я.

Он пронзает меня взглядом. Поправляюсь:

– Хм... но, наверное, я недостаточно хорошо объяснял. Извините. Ну, раз снимок нашелся, может быть, вы будете столь любезны и прямо сейчас опишете его, срочно, чтобы я успел распечатать описание и приложить к завтрашним документам для операции?

Золотое правило медицины снова в действии: делаю вид, что прошу его об услуге, хотя вина за сложившуюся ситуацию целиком и полностью на нем.

Пару мгновений он фыркает и сопит; ровно столько, сколько надо, чтобы заставить меня вновь запаниковать, прежде чем согласиться.

– В следующий раз, когда будешь искать снимки, – говорит Максина, пропуская меня вслед за доктором Палаши в смотровую, – проверь еще одно место, потому что когда-нибудь я засуну их именно туда.

– В смысле? – наивно переспрашиваю я.

– В смысле, что предварительно их надо будет свернуть в трубочку. Только советую надеть резиновые перчатки, – хохочет Максина.

Вторник, 2 сентября

Выходим с Руби на перекур за корпус скорой помощи. Ее консультант, мистер Грант, здорово усложняет ей жизнь: он не забыл обвинения в расизме и теперь из кожи вон лезет, лишь бы ее прижучить. На обходах он ее демонстративно игнорирует и, обращаясь к остальным, делает вид, что ее тут нет. С учетом того, что Льюиса он тоже терпеть не может, — потому ли, что он чернокожий, или гей, или приятель Руби, — атмосфера в команде заметно натянутая.

Перед уходом Руби оборачивается ко мне и спрашивает:

— Какая разница между мистером Грантом и сперматозоидом?

— Чего? — недоуменно переспрашиваю я.

— У сперматозоида есть один шанс на миллион превратиться в человека, — хохочет она.

Среда, 3 сентября

У миссис Крук из администрации очередная катастрофа. Нам не начислили зарплату. Это уже определенно причина для беспокойства. В конце концов, мы весь прошедший месяц трудились как каторжные. Не будучи уверенным, к кому обратиться по поводу этого упущения, Льюис решает, что первая инстанция в данном случае — больничная администрация (заключение, скажем прямо, не требующее особой гениальности). Проблема в том, что это означает попытку за-

вязать разумный взрослый диалог с миссис Крук, которая по малейшему поводу впадает в слепую панику.

Хотя в теории Льюис совершенно прав в своем предположении о том, что именно миссис Крук должна заниматься нашей зарплатой, ну или хотя бы представлять себе порядок ее начисления, выясняется, что на самом деле все не так просто. Чеками занимается Труди.

– Кто такая Труди? – следует вопрос.

– Секретарь мистера Баттеруорта, – поступает ответ.

Недоумеая, почему секретарша хирурга должна отвечать за зарплату интернов, я отправляюсь в ее кабинет, чтобы как-то разобраться в ситуации. Труди, в контрасте с мистером Баттеруортом, – само очарование. Слегка за сорок, с высветленными волосами, подстриженными под каре, в очень короткой юбке, черных колготках и сапогах до колена. Она явно молодится, но тут уж на войне как на войне – все средства хороши.

– Он настоящий баран, правда? – говорит она, стоит мне упомянуть мистера Баттеруорта.

Не совсем уверенный, как правильно на такое отвечать, задаю встречный вопрос:

– И как только вы работаете с ним?

– Ну, ко всему можно привыкнуть. К тому же в мои годы начинаешь понимать, что все начальники – идиоты, а мистер Баттеруорт так умеет распугать всех вокруг, что меня тут почти никто и не тревожит.

Она встала из-за стола, а я заметил в углу ее кабинета холодильник, поверх которого лежало аккуратно свернутое кухонное полотенце, и стоял чайник с чашками. Она взяла одну и покопалась в сумочке, разыскивая чайный пакетик.

– Местным уборщикам совершенно нельзя доверять, тащат все, что не приколочено. Когда я впервые вышла на работу, тут же украли целую коробку с чаем. Но больше я такого не допускала. Стала все хранить у себя в сумке.

Она вытащила оттуда же пакет с молоком.

– Хотите чайку? – спросила она через плечо, наливая в чашку кипяток.

– Не могу, мне надо назад в отделение. Я только зашел спросить про зарплату.

– Ой! – воскликнула она, и я ошибочно решил, что из-за зарплаты, но Труди продолжила.

– Вы просто обязаны выпить чаю! На чай время должно быть всегда. Я искренне так считаю и не могу вас отпустить, не угостив.

Сопротивляться бесполезно. Сажусь и пью с ней чай. Одновременно понимаю, что впервые за весь день сижу, и впервые за месяц, проведенный в госпитале, пью на работе чай. Обычно чайник даже не успевает закипеть, как у меня срывает пейджер. Кстати, вот и он. В обычном состоянии паники, тянусь за телефоном. Но вместо меня трубку подхватывает Труди.

– Говорит секретарь мистера Баттеруорта... да... доктор

Пембертон на совещании... нет, его нельзя отвлекать. Хорошо, непременно.

Она возвращает трубку на место.

— Какая-то медсестра хотела, чтобы вы что-то записали в карту. Сказала, найдет другого врача.

Я откидываюсь на спинку стула. Да, так можно и избаловаться.

Суббота, 6 сентября

Руби всерьез собралась подать заявление в службу опеки, чтобы к нам прикрепили социального работника. Сами мы не справляемся. На кухне давно шаром покати. Когда по утрам мы идем на работу, магазины еще не открылись, когда возвращаемся домой — они уже закрыты. Мы доедаем соусы и приправы, потому что это единственное, что осталось в холодильнике.

Майонез прекрасно насыщает, если есть его в достаточном количестве. Но долго на нем не протянешь. Похоже, скоро мы уже будем удовлетворять критериям ООН по продовольственной помощи, и нам сбросят с самолета контейнер с едой.

Воскресенье, 7 сентября

Снова дежурство. Очередной уикенд в компании больных и увечных. Правда, я уже привыкаю к отсутствию нормальной жизни. В конце концов, все равно отправился бы раз-

влекаться и потратил кучу денег, а так сэкономлю. Похоже, я теперь знаю, почему считается, что докторам хорошо платят. На самом деле наша зарплата для такого количества рабочих часов довольно скромная, но у нас просто нет времени тратить деньги, так что они лежат на банковских счетах, пока мы не дорастем до статуса консультантов. А тогда все уйдет на бракоразводный процесс с женой, уставшей от вечного одиночества.

Однако сегодня смена прошла неплохо: в основном я сидел в дежурке, смотрел MTV и заказывал по телефону еду, время от времени прерываясь на вызовы из отделения скорой помощи.

Суббота в скорой помощи – особенный день. Хотя статистика никогда не была моей сильной стороной, я привык считать, что болезни возникают спонтанно. Вы же не выбираете подходящий день для инфаркта или аппендицита, правда? Соответственно, на субботу должна приходиться одна седьмая общего объема обращений за неделю. Однако это совершенно не так. Похоже, что вслед за богом, отдохавшим в день седьмой, болезни поступают так же. Это настолько заметно, что мы начинаем утренний обход только в девять утра, позволяя себе лишний час поваляться в кровати. Возможно, причина в том, что люди, которые могли бы заболеть, отправляются в церковь каяться во грехах и вымаливают для себя божьей волей второй шанс. В противном случае, не знаю, что и думать.

Понедельник, 8 сентября

Давление миссис Санкараджи быстро падает, и моча не отходит уже несколько часов. Ноги отекли и сердце, похоже, не справляется. Мы испуганно переглядываемся с Суприей. Сестры глядят на нас выжидающе. Суприя быстро начинает листать инструкцию, где написано, что надо делать в подобных случаях, я же перехожу к решительным действиям и обращаюсь за помощью к старшему.

Конечно, не к самому старшему, не хватало еще, чтобы на меня наорали. Надо отыскать Дэниела: не все же ему уливаться вокруг консультантов. Несколько раз отправляю ему сообщение на пейджер, но он не отвечает. Руби, сидящая за документами в ординаторской, говорит, что он вроде бы собирался этим утром ассистировать Любимчику Домохозяек на операции. Покидаю отделение и отправлюсь по коридорам в сторону операционных.

Через стеклянное окошко анестезиологической палаты вижу Дэниела и Любимчика в хирургических костюмах, склонившихся над пациенткой. Не знаю, можно ли мне войти, не обрабатывая рук, но раз анестезиолог болтает по мобильному в углу, в помещении, видимо, не настолько стерильно. Вхожу и погружаюсь в странные запахи и приглушенный гул работающего оборудования.

Любимчик поднимает глаза, но не здоровается; Дэниел прожигает меня взглядом. Я подхожу к нему ближе и спра-

шиваю, как нам поступить. Он ворчливо называет несколько анализов, которые следует взять, и говорит, что скоро подойдет.

Любимчик Домохозяек разводит полы рубашки, обнажая грудь пациентки, находящейся под наркозом.

– Только посмотри! – восклицает он.

Дэниел хихикает, как школьник.

– Представляю, как она является в скорую помощь! Первоочередной кандидат на СНОГ, – усмехается Любимчик.

Дэниел поворачивается ко мне.

– Ты же знаешь, что такое СНОГ, правда, Макс?

Качаю головой.

– Да, плоховато теперь учат на медицинском факультете, – хохочет он.

Дэниел учился всего на пару лет раньше нас. Меня от него тошнит.

– Совершенно Ненужный Осмотр Грудь, – фыркает он и глядит на Любимчика, ожидая его одобрения.

Сестра отодвигает их от каталки, тактично закрывает грудь пациентки и увозит ее в операционную.

Я не скрываю, что не оценил их шутки, и Любимчику это явно не нравится. Дэниела еще можно понять: он страшный карьерист и легко поддается влиянию. Но от Любимчика я такого не ожидал. Жаль, что медсестры, считающие его неотразимым Казановой, не знают, каков он на самом деле.

Вторник, 9 сентября

Слово «хирургия» происходит от латинского *chirurgia*, а оно, в свою очередь, от греческого *cheiros* (рука) и *ergon* (ремесло). Получается, что хирургия – это рукоделие. Помимо представителей этой специальности, единственные, кто зарабатывает с помощью рукоделия, насколько мне известно, – наставницы девичьих кружков и пациенты психлечебниц. Хирурги считают, что делают бог знает какую мудреную работу, хотя на самом деле она донельзя проста: у вас внутри дефект, мы вас разрезаем, вырезаем дефективную часть и зашиваем обратно. Если вырезать нельзя – вы неизлечимы.

Конечно, мистеру Баттеруорту я этого никогда не скажу. Он – представитель старой гвардии, привыкший считать себя всемогущим и всеведущим. В его время пациенты слушали своих врачей и делали, что им говорят. И все бы хорошо, вот только никто не понимает, что говорит мистер Баттеруорт, отчего пациенты не могут ему беспрекословно подчиняться, а я трачу большую часть обхода на то, чтобы разобрать, что он там бормочет себе под нос. Мистер Баттеруорт никогда не смотрит больным в глаза, а свои распоряжения адресует подоконнику или мыльнице на тумбочке, оставляя и пациентов, и меня в полном недоумении относительно происходящего. Ему гораздо проще общаться с неодушевленными предметами.

Миссис Шеридан поступила в больницу с болью в животе неопределенной этиологии, и мы никак не можем понять,

что с ней такое. Все обследования сделаны – и ничего. Встревоженная, она присаживается на постели, увидев, что обход направляется к ней. Безо всякого вступления мистер Баттеруорт откидывает одеяло и ощупывает ее обнажившийся живот, пока я спешно пытаюсь задержать занавески вокруг кровати, одновременно придерживая тележку с картами. У этого человека навыки общения, как у мешка для сбора кала, честное слово! Продолжая жать на живот пациентки, он бормочет:

– На эндоскопии все чисто. Выписывайте.

Просить его повторить не имеет смысла: он уже перешел к следующей кровати. Сконфуженно улыбнувшись миссис Шеридан, бросаюсь за ним.

Пару часов спустя одна из сестер вызывает меня, прося вернуться.

– Миссис Шеридан хочет переговорить с врачом.

Эта фраза звучит, как приговор для каждого начинающего медика. Обычно она означает, что пациент собирается задать кучу вопросов, ответа на которые ты не знаешь. Я уже понял, что проще что-нибудь выдумать, чем разыскивать того, кто мог бы все объяснить. Иду в отделение и обнаруживаю, что миссис Шеридан на грани нервного срыва, практически как я сам.

– Я не понимаю, что происходит, доктор, – жалуется она. – Что сказал этим утром консультант? Что со мной такое? Почему меня отправляют домой?

Прикусываю язык, чтобы не сказать, что сам ничего не понял. Сейчас не время объяснять, что хирурги просто не разобрались, в чем было дело. Раз повода для операции нет, ее можно выписать. Тем более что ей уже лучше. Но миссис Шеридан не стоит этого знать. Прибегаю к лучшему другу врача – профессиональному жаргону. Слово «вирус» вообще-то переводится как «яд», но в устах медработника может означать «мы не знаем, что с вами такое, но это не опасно и пройдет само».

– Мы провели обследования и ничего серьезного не нашли, а это означает, что у вас вирусный гастроэнтерит. Ваш организм справился с инфекцией благодаря тому, что в больнице вы отдохнули, так что теперь вас можно выписать домой, – объясняю я.

Использую еще кое-какие медицинские термины, для подстраховки. Ежусь от стыда. Наверняка она видит меня насквозь. Но нет, проверенный прием сработал, пациентка веселеет.

– Правда, доктор? Большое вам спасибо.

Еще пару минут успокаиваю ее и даю кое-какие советы по питанию, почерпнутые из утреннего телешоу. Оставляю миссис Шеридан, совершенно счастливую, собирать вещи и отправляюсь разъяснять следующему пациенту, что мистер Баттеруорт сказал этим утром. Кажется, я начинаю понимать, что означает «начинающий врач»: да, я не знаю всех ответов, но умею употреблять непонятные слова, и у меня

на шее стетоскоп.

Четверг, 11 сентября

Руби сегодня плакала. Мы встретились за отделением скорой помощи в перерыве между обходом и операциями. У нее в руках был список дел, занимавший обе стороны стандартного листа, а во второй половине дня она дежурила в приемном. Руби не знала за что хвататься, а пока мы с ней стояли за корпусом, сработал ее пейджер. Она перезвонила с мобильного, не в силах идти назад в отделение, чтобы воспользоваться стационарным телефоном. Вызывала лаборатория. Потерялись анализы крови. Мистер Грант, собираясь оперировать пациентку, позвонил: в лаборатории не было отметки о том, что анализы уже взяли, и он хотел знать, почему.

– Но я же их брала, – сказала Руби, и лицо ее исказилось от отчаяния, – оставила в рамке и сегодня утром отправила в лабораторию!

Она помолчала, слушая, что говорят в трубке.

– Боже, он меня убьет! Он страшно разозлится, если операцию придется начать позже.

Снова пауза.

– Хорошо, я возьму их еще раз и принесу в лабораторию сама.

Она посмотрела на свой список дел в одной руке, на недокуренную сигарету в другой и решительно ее затушила. А потом вдруг всхлипнула, нет, не залилась слезами, а тихонь-

ко расплакалась от усталости и бессилия. И тут ее пейджер снова запищал. А за ним мой. И оба мы, развернувшись, пошли обратно в больницу.

Суббота, 13 сентября

Сегодня ужинали с мамой. Говорить особо не о чем. Большую часть вечера она сетовала на то, как сильно я похудел. Словно я сделал это нарочно.

Воскресенье, 14 сентября

Весь день лежу в постели. Потрясающе. На улице тепло совсем по-летнему, ласковое солнышко заглядывает в окно, его лучи падают на кровать. Настоящее блаженство, которое вдруг прерывает механический голос из пейджера: «Срочно. Срочно. Вызов реанимационной бригады. Вызов реанимационной бригады».

Пока я нежусь на солнце, в больнице кто-то умирает.

Вторник, 16 сентября

Обход в уже привычном порядке: мистер Прайс сломя голову летит вперед, а мы семеним следом, как утята за матерью, изо всех сил стараясь не отставать. Получается плохо. Суприя, как и я, едва держится на ногах, хоть одета в элегантную двойку и вооружена ежедневником.

Сегодня после обхода Дэниел снизошел до проявления сочувствия, поинтересовавшись, все ли с ней в порядке.

– Все хорошо, – пробормотала она в ответ на его замечание о темных кругах под глазами.

– Честно, я просто... просто...

– Очень устала, – вмешался я, точно зная, как она себя чувствует, и сам чувствуя себя не лучше, если не хуже, с учетом того, что выгляжу так, будто меня купили на гаражной распродаже.

Среда, 17 сентября

Пытаясь добиться кое-каких обследований для своих пациентов, вступаю в переговоры с непреклонным рентгенологом – доктором Палаши, который на каждую просьбу отвечает вопросом. Ну почему все вокруг только тем и заняты, что осложняют мне жизнь, которая и так уже не сахар?

– Вернетесь, когда будете точно знать, что от меня хотите и на каких основаниях, – говорит доктор Палаши в ответ на мою попытку договориться о снимке желчного пузыря.

Максина бросает в мою сторону сочувственный взгляд.

– Пожалуйста, – делаю последнюю попытку.

Ноль реакции.

Четверг, 18 сентября

Медицина основана на наблюдениях: повторяющиеся ситуации изучаются, результаты экстраполируются, и таким образом делаются выводы. В результате врачи привыкают выносить суждения по внешности. Определенные люди бо-

леют определенными болезнями. Кашель у проститутки, к примеру, может означать ВИЧ, у 83-летней старушки – пневмонию, а у эмигранта – туберкулез. Естественно, так недолго и ошибиться, о чем нам всем напомнили сегодня.

Прошлой ночью на дежурстве Суприя случайно укололась иглой, которой брала кровь у пациента. Он поступил в сопровождении своей девушки, с жалобами на боль в животе. Суприя записала его данные и занялась анализом крови. От усталости рука ее соскользнула, и игла воткнулась в палец. Она быстренько вышла и сразу подставила палец под воду. Сестры в отделении скорой помощи сказали, что для таких случаев существует специальный протокол: ей надо вернуться к пациенту, объяснить, что произошло и попросить провести анализ на ВИЧ, чтобы знать, не грозит ли ей заражение. Суприя не стала ударяться в панику: пациент выглядел вполне адекватным, обеспеченным, работал биржевым брокером, находился в постоянных отношениях и обратился в центральный окружной госпиталь. Не наркоман, не проститутка, не гей. О чем тут волноваться? Он ничего не имел против дополнительного анализа.

– Простите, обычная формальность. Ну, вы понимаете, – объяснила Суприя, и мужчина вдвоем с девушкой согласно закивали в ответ.

Лишь несколько часов спустя, когда девушка вышла в буфет выпить кофе, мужчина попросил позвать к нему Суприю.

– Видите ли, не хотелось бы вас пугать, но...

Суприю пробил холодный пот.

– Понимаете, – поколебался он, – вы тут задавали вопросы про наркотики и все такое...

Суприя побелела.

– Дело в том, что... я не мог этого сказать при своей де-вушке, но я спал с проститутками.

Суприя медленно кивнула.

– И не всегда пользовался презервативом. Собственно, я и сам беспокоился, что мог, ну понимаете... того... что-ни-будь подцепить.

Суприя зажмурила глаза.

– Вы пытаетесь мне сказать, что могли заразиться ВИЧ? И заразить меня?

Мужчина кивнул.

Следующие десять минут Суприя прорыдала в туалете.

– Ни за что бы не подумала! Он же выглядит таким... совершенно нормальным! Получается, заразиться можно от кого угодно. Если бы он выглядел, ну... подозрительно, я вела бы себя осторожнее, когда брала кровь, – всхлипывала она, пересказывая нам эту историю на следующее утро в утешительных объятиях громадных лапищ Льюиса. Хвост у нее на затылке растрепался, и длинные пряди свисали на лицо. Страшно было видеть Суприю, помешанную на аккуратности, в таком плачевном состоянии. Это подчеркивало серьезность случившегося: угроза нависла не только над ее

здоровьем и будущей личной жизнью, но и над карьерой.

Никогда бы не подумал, что Суприя, всегда такая сдержанная и строгая, может разрыдаться на людях. Действительно, внешность обманчива.

Пятница, 19 сентября

Дети словно фекалии: свои вроде и не пахнут, но от чужих испытываешь отвращение. Больные дети не исключение, а уж если долгое время и в замкнутом пространстве, то и от своих с души воротит.

– Просто сделайте с ним что-нибудь, и мы отсюда уберемся, – орет мужик, пока я пытаюсь взять кровь у его сына.

Ребенок при моем приближении с иглой начинает отчаянно верещать. Я смотрю на бритую голову и татуировки у мужика на плечах. Он хрустит суставами пальцев.

– Вы зачем его пугаете? – рычит папаша. – Что, нельзя по-другому?

Толстым коротким пальцем он тычет в иглу в моих заметно подрагивающих руках. Заверяю его, если бы существовал другой способ взять у мальчугана кровь, я непременно бы им воспользовался. В действительности руку ему я обезболит, так что он орет просто от страха.

Из всех пациентов, с которыми приходится сталкиваться, дети – худшие. Собственно, даже не дети. Родители. Все свои эмоции – тревогу, расстройство, страх – они выливают на ближайшего взрослого, то есть на врача. В результате роди-

тели ведут себя еще хуже детей. Мужик смотрит на меня так, словно это я виноват, что у его сына аппендицит. Тут из-за шторы появляется медсестра, что-то зажимая в кулаке. Надеюсь, это не для еще какой-нибудь процедуры, ожидающей мальчонку.

– Держи-ка, – произносит она, разворачивая леденец и забрасывая его в разинутый от крика рот.

Ребенок замолкает. Отец продолжает орать на меня. Может, ему тоже дать конфетку?

Понедельник, 22 сентября

Сегодня Суприя явилась в отделение с застывшим лицом. Мы были в курсе, куда она ходила, и все утро не могли сосредоточиться на работе, зная, что в этот день должны прийти результаты анализов ее пациента на ВИЧ. Если они окажутся положительными, Суприи придется пережить три месяца бесконечной тревоги, дожидаясь, пока можно будет самой сдать кровь. Если отрицательными – волноваться не о чем.

– Все чисто! – воскликнула она и разразилась слезами.

Мы все бросились ее обнимать под удивленными взглядами пациентов, недоумевающих, с чего бы мы так расчувствовались посреди рабочего дня.

Четверг, 25 сентября

Миссис Маллен поставили новый тазобедренный сустав. Год пришлось ждать операции, сообщила она мне на про-

шлой неделе, но она нисколько не жалуется. Собственно, находясь в больнице, она вообще ни разу не пожаловалась. Все воспринимала спокойно. Даже ела, не возмущаясь, больничную еду.

– По-моему, просто восхитительно, чего наука сумела добиться. Мне и в магазин-то выйти было тяжело, так сильно болело, а теперь хоть марафон беги, честное слово!

У меня на глазах взрослые мужчины рыдали, когда у них брали кровь (да-да, совершенно серьезно), а эта женщина не хотела беспокоить сестер, обращаясь за обезболивающим. Она пыталась даже сама застилать себе постель по утрам, чтобы их не утруждать. Боже, ей ведь 83! Мне и 30 нет, руки-ноги отлично функционируют, но я заправляю постель, только если мама собирается зайти, и уж точно не откажусь, если сестры предложат делать это за меня.

– Мне иногда кажется, люди в наше время не ценят того, что имеют, – замечает она, слушая, как мистер Линдли на соседней кровати осыпает ругательствами медсестру, снимающую ему швы. – Честно говоря, мне неудобно было отнимать у хирургов время со своим суставом, но племянница настояла.

Мне кажется, таких людей как миссис Маллен больше не выпускают. Мое поколение – сплошные нытики. Мы уверены, что весь мир нам должен. Однако если он кому и должен, то таким людям, как миссис Маллен. Она бросила учебу в 15 лет, хоть и заслужила бесплатное место в филологии-

ческом колледже. До 20 лет кормила мать и четырех сестер, работая на фабрике. На этой фабрике и осталась до самой пенсии. Она ни разу за всю жизнь не брала больничных и отпусков. Даже когда рожала своих троих детей.

Однако миссис Маллен вовсе не бессловесная тихоня. Она поднимает голос, если считает, что повод того заслуживает. Всю жизнь она состояла в профсоюзе, боролась за равные права для женщин, и, как сообщила она мне с широкой улыбкой, ее фабрика была первой в стране, где их ввели. Она сражалась за пенсионное обеспечение и выплаты по инвалидности.

— В те времена мне некогда было болеть, слишком много дел. Надо было отстаивать права всех этих девушек. Условия, в которых некоторым из нас приходилось работать, были просто кошмарные. Сейчас таких никогда бы не допустили, можете мне поверить.

Причина, по которой их теперь бы не допустили, — это тоже миссис Маллен и такие люди, как она. Я никогда не работал так тяжело, как эта пациентка, и почти наверняка никогда не буду.

Быть интерном нелегко, но, в смысле работы, есть варианты куда хуже. Например, пахать на фабрике 50 лет без отпусков. Возможно, если бы нашему поколению пришлось посидеть у койки матери, умирающей от туберкулеза, мы с большим уважением относились бы к нынешней системе здравоохранения и уж точно не орали бы на медсестер, пытающих-

ся снять швы.

Сегодня я просто не поверил своим глазам, когда пришел купить сэндвич в больничном киоске «Лиги друзей» и увидел за прилавком (вы не поверите!) миссис Маллен.

– Что вы здесь делаете?! – воскликнул я, разинув рот. – Мы же выписали вас только на прошлой неделе! Вам надо сидеть дома, отдыхать.

– О, я так и делаю, – последовал ответ. – Я тут только пару часов в неделю. Увидела объявление о поиске волонтеров. Это мой способ поблагодарить вас всех за то, что вы в больнице сделали для меня.

Коробки конфет хватило бы с лихвой. Но миссис Маллен из тех людей, что отдают больше, чем получают. Это вымирающая порода. Прошу у нее сэндвич с помидорами и сыром. Она протягивает мне с яйцом: других уже нет. Ненавижу яйца, но решаю все равно его съесть и не жаловаться.

Суббота, 27 сентября

Все мы живем в состоянии тихого отчаяния, однако у кого-то оно все-таки отчаяннее, чем у других. За прошедшие 2 месяца я увидел и услышал множество очень печальных вещей, и теперь учусь не позволять им слишком на меня влиять. Однако в памяти порой остаются совсем не те события, что ожидаешь. Гораздо глубже в нее врежется то, как люди просто живут, день за днем, а вовсе не то, как они умирают.

Сегодня я проснулся пораньше, чтобы заехать к маме, со-

бравшейся меня накормить настоящей домашней едой. По пути решил остановиться и купить газету. Хозяева магазинчиков только-только открывали ставни на витринах, машины торопливо куда-то катились по своим важным делам. В голове гудело от недосыпа, и поэтому, ковыляя к ближайшему газетному киоску в рассветных солнечных лучах, я не сразу разобрал, что кто-то окликает меня по имени. Это оказалась миссис Уолден. Она поступила к нам с болями в животе на прошлой неделе, но мы выписали ее, когда анализы ничего не показали, а боль успокоилась. В больнице ее хорошо знали, потому что она была пациенткой отделения психиатрии. Большую часть своей взрослой жизни, а ей уже под сорок, она провела в разных лечебницах из-за своего психического заболевания. Жила одна в социальной квартире, в полной изоляции, погрузившись в депрессию. Единственной отрадой миссис Уолден был ее сын Генри.

Генри поместили под опеку, когда ему было 2 года, потому что она не могла обеспечить ему надлежащих условий. Исключительно из добрых побуждений. Шесть лет она не видела его.

– Нет такого дня, когда бы я не думала о нем, – сказала она, когда я в отделении скорой помощи пытался прощупать ее живот.

Недавно суд принял решение, что они могут изредка встречаться, под наблюдением. Пару недель назад сын позволил, и она рассчитывала провести вместе с ним несколько

часов перед Рождеством.

Я перешел через улицу.

– А куда вы едете? – спросил я ее.

Она озабоченно на меня поглядела.

– Скоро же Рождество! – последовал ответ.

Недостаток сна порой делает с нами странные вещи: на мгновение я впал в настоящую панику, прежде чем снова прийти в себя.

– Вообще, сейчас только сентябрь, – напомнил я ей.

– Я знаю, но мне хочется купить для Генри лучший подарок, а игрушки, которые дети больше всего хотят, вечно распродают первыми, поэтому надо успеть заранее.

Она ждала автобуса, который шел в большой торговый центр за городом, где был детский супермаркет. Вытащив из кошелька фотографию сына, она протянула ее мне.

– Но сейчас же очень рано, там еще закрыто, – сделал я еще одну попытку.

– Я хочу прийти первой, купить лучший подарок для него, – объяснила она.

Со стороны могло показаться забавным, что она стоит на остановке за 3 часа до открытия магазина, собираясь покупать подарок на Рождество, до которого еще 3 месяца, для своего восьмилетнего сына, которого не видела последние шесть лет. Я невольно представил себе, как он будет открывать рождественский подарок от матери, которой не помнит, не придавая этому никакого значения, в то время как для

нее он – вся жизнь, единственное, что помогает ей держаться на плаву.

Вокруг нас сновали люди, торопясь начать свой день, безразличные ко всему. Она была просто женщиной средних лет, стоящей на остановке, решившей купить подарок для сына на Рождество. И одновременно живым символом трагедии, жертвой психического заболевания, разрушающего человеческую жизнь и откалывающего от нее часть за частью. Мысль о возможности наладить отношения с сыном была ее единственной надеждой.

Она спрятала фотографию обратно в сумку, помахала мне на прощание рукой и села в автобус.

Вторник, 30 сентября

Целых 2 месяца мы работаем врачами. Поверить не могу! Чтобы это отметить, отправляюсь к Труди под тем предлогом, что мне надо передать через нее бумаги мистеру Баттеруорту на подпись. Она заваривает мне чай, угощает печеньем, потом садится и начинает подпиливать ногти, игнорируя телефонные звонки, пока мы с ней беседуем.

– Итак, – спрашивает Труди, по обыкновению, в лоб, – как твои успехи в последнее время?

Я недоуменно пялюсь на нее.

– Ну, позавчера вызвали на остановку сердца, я вроде справился.

На самом деле это не совсем так. Я прятался за шторами,

пока «настоящие врачи» пытались реанимировать пациента, но признаваться в этом что-то не хочется.

– Да нет же, дурачок, я не про то. Я про успехи, – она приподнимает одну бровь, – на любовном фронте.

Снова недоуменный взгляд. Она закатывает глаза.

– Тебе что, по буквам надо произнести? – спрашивает Труди и немедленно начинает:

– С-е-к-с.

Я отшатываюсь в ужасе.

– Секс? – переспрашиваю, едва не подавившись печеньем.

С тех пор, как я вышел на работу, мысль о сексе ни разу не промелькнула у меня в голове. Говорю, что был слишком занят, носился как безголовая курица за своим хвостом.

– У кур нет хвостов, – замечает Труди.

– Ну, я врач, не ветеринар. В любом случае ответ «нет». Если в следующие 10 месяцев я не умру сам и не поубиваю своих пациентов, то, может, опять смогу думать о подобных вещах, – говорю проникновенно.

– Видишь ли, у других-то, похоже, находится время поглядывать по сторонам, – говорит Труди. – Как у Руби дела в последнее время?

– Не знаю. Все нормально. А почему ты спрашиваешь?

Интересно, я думаю о том, о чем и она?

Нахмурившись, забрасываю в рот последний кусочек печенья. «Пожалуйста, Руби, только не Любимчик Домохозяек!»

Октябрь

Четверг, 2 октября

Привычное течение утреннего обхода нарушил пронзительный вой сирены. Все интерны автоматически схватились за пейджеры и испытали одновременное облегчение от того, что это не вызов. Однако краткий момент радости прервали крики медсестер: «Пожар! Пожар!»

Тут же выяснилось, что мистер Баттеруорт способен преодолевать законы физики и двигаться куда стремительней, чем предполагают его Пиквикианские пропорции. Я смутно припомнил какие-то инструкции относительно пожара и эвакуации, полученные на вводном курсе, после которого прошло, по моим ощущениям, уже лет сто. Единственное, что врезалось мне в память, это вопрос Суприи о пациентах в реанимации и слегка неожиданный ответ на него.

К счастью, пожар был не в нашем отделении, и даже не в нашем корпусе, поэтому нам не пришлось срочно эвакуировать пациентов прямо с капельницами и кислородными баллонами, и мы вернулись к обычной беготне. Дополнительным бонусом стало исчезновение мистера Баттеруорта: Старая Кошелка, пользуясь моментом, продолжила обход без него.

Когда я быстренько пробежал глазами список задач на сегодня, ко мне подошла Рейчел, одна из медсестер.

– Пожар был далеко от нашего отделения, – сообщила она. – В административном корпусе, под лестницей. Совсем небольшой и распространиться не успел. Но у ответственного за пожарную охрану будет куча неприятностей: там валялись бумаги, которые вдруг возьми и загорись.

Я вспомнил лекцию по пожарной безопасности, на которой присутствовал в свой первый день. И кучу бумаг, которую нам раздали, велев почитать про процедуру эвакуации. И то, как я тут же их все потерял. Вполне возможно, оставил под лестницей в административном корпусе. А еще я подумал, что не скажу об этом ни одной живой душе до своего смертного часа.

Суббота, 4 октября

Этим утром я проснулся в панике, схватил брюки, бросился в ванную и увидел в зеркале тощую бледную физиономию, тарашившуюся оттуда. Времени на душ не было. Я почистил зубы, ополоснул лицо и бегом кинулся вниз. Руби сидела за кухонным столом с сигаретой и, не отрываясь, смотрела на чашку кофе, стоявшую перед ней.

– Скорей, опаздываем! – пробормотал я, пытаюсь отыскать чистую кружку.

– Нет, не опаздываем, – ответила Руби, не поднимая глаз, полуприкрытых веками.

– Ты о чем говоришь? Еще как опаздываем, уже семь утра!

– Сегодня суббота, – ответила она.

Дни недели утратили для меня значение. Они превратились просто в промежутки времени, которые надо продержаться, прежде чем можно будет рухнуть в кровать.

– Ну точно! – воскликнул я, лишь теперь осознавая, что впервые с начала работы в больнице мы оба были свободны целые выходные. Как могло такое потрясающее совпадение вылететь у меня из головы?

Мы несколько минут посидели молча, пока я не осознал кое-что еще.

– Погоди, – сказал я, – а ты-то почему встала?

– Я забыла. Тоже, – сказала она, явно до сих пор потрясенная. – Поняла где-то полчаса назад, но никак не могу справиться с силами, чтобы вернуться в кровать.

Воскресенье, 5 октября

Проблема рабочего графика, когда смены длятся с 7:30 утра до 9 вечера, перемежаясь суточными дежурствами, заключается в том, что у тебя нет времени организовать хоть какие-нибудь толковые развлечения на свой выходной. Уикенды, если вдруг они оказываются свободными, тратятся на сон, которого все равно никогда не хватает, поиски какой-нибудь еды и попытки обеспечить себе запас чистой одежды на следующую неделю.

Еда, сон, стирка – вот чем мы занимаемся в выходные. Флора, которая тоже сегодня свободна, решила отметить наш общий день отдыха, организовав поход в художествен-

ную галерею.

– Я есть хочу, – заявила Руби минут через десять просмотра картин.

– И я, – сказала Флора.

А я уже шел по направлению к кафе.

Понедельник, 6 октября

– Это ваш последний шанс, – предупреждает миссис Майлз.

Я покрываюсь потом, руки начинают дрожать. Мы оба хотим поскорее уснуть, но до того мне надо поставить катетер ей в вену.

До начала работы в больнице я имел о катетерах самое смутное представление – спасибо часовому практическому занятию на пластиковом муляже. Теперь же они окружают меня повсюду. Для тех из вас, кому повезло избежать встречи с ними, объясню, что это тоненькие трубочки, которые вставляют в вену, чтобы вводить жидкости или лекарства непосредственно в кровь. Это в теории. К несчастью, главная проблема заключается как раз в их постановке.

Процедура сложнее, чем может показаться, а выполнять ее обычно приходится интернам. Она требует, помимо навыка точного попадания в вену, еще и хорошей координации. Первое, что следует сделать, – найти подходящую вену (у всех интернов, с которыми я знаком, есть своя любимая). Однако у пациента может быть нехарактерное расположение

сосудов, либо слой жира, покрывающий их, так что «любимую» вы не найдете. Тут вы оказываетесь перед выбором: либо искать другую в другом месте, либо втыкать иглу и надеяться на лучшее. Когда игла оказывается в вене, окошко в ее задней части заполняется кровью, указывая на точное попадание; тогда вы сдвигаете трубочку с иглы, и она встает на место. Проще некуда. Однако вены миссис Майлз никак не поддаются – я колю ее иглой уже минут двадцать.

– А не может это сделать кто-нибудь еще? – спрашивает она уже в четвертый раз.

И добавляет сквозь зубы:

– Кто-то, кто умеет.

– Боюсь, что все отдыхают. Здесь только я. Мне очень жаль.

Извинения, конечно, не к месту, да и я уже приносил их 10 минут назад. Проталкиваю иглу еще немного глубже.

– Ой! Больно же, – шипит она.

Подозреваю, миссис Майлз еще добьется, чтобы пролилась чья-то кровь, однако, моими стараниями, определено не ее.

Не так давно я осознал, что, по каким-то загадочным причинам, в течение дня катетеры никому не требуются, но стоит тебе отправиться в дежурку ближе к утру, как весь госпиталь начинает срочно нуждаться в них. Именно в этот момент рядом нет никого, кому можно это перепоручить. Особенно поразительно то, что у сестер имеется что-то вро-

де шестого чувства, позволяющего безошибочно определить момент, когда ты уже разделся и собираешься натягивать пижаму, чтобы именно тогда отправить вызов на пейджер.

Очень сложно побороть ужас при приближении к постели пациента, которому требуется внутривенный катетер. Из-за того, что ставлю их ночи напролет во время дежурств, я слегка свихнулся на этой почве. В автобусах и метро, даже в магазинах, мне бросаются в глаза толстые, похожие на веревки, полнокровные вены, бегущие по чьим-то рукам, которые прямо-таки призывают меня поставить в них катетер. У меня даже возникла немного настораживающая привычка проверять кровоток в венах запястья, слегка надавливая на них, когда я обмениваюсь с кем-нибудь рукопожатием. Люди думают, что я вступил в братство масонов, но я ничего не могу с этим поделать. В голове постоянно крутится мысль: «А что если придется срочно ставить этому человеку катетер? Смогу я или нет?» Мои друзья, кроме врачей, начинают подозревать во мне маньяка, когда я обливаюсь слюной при виде их роскошных сосудов. Однако будь они со мной сейчас, в три утра, возле кровати взбешенной миссис Майлз, когда лишь этот разнесчастный «венозный доступ» отделяет меня от нескольких часов спасительного сна, они бы поняли.

Наконец, я попадаю, и мы с миссис Майлз оба вздыхаем с облегчением. В целом я доволен собой, но она, похоже, не особо мне благодарна. Уже возле дверей отделения меня окликает сестра:

– Макс, надо поставить еще катетер. Койка 16.

Подхожу к указанной койке и осторожно бужу мистера Маршалла.

– Я Макс, врач, – сообщаю ему. – Мне надо поставить вам в руку катетер, чтобы можно было вводить лекарства.

Мы обмениваемся рукопожатием, и мистер Маршалл подозрительно смотрит сначала на свою руку, а потом на меня:

– Вы масон, что ли? – спрашивает он.

Среда, 8 октября

Только вчера я, стоя на этом самом месте, разговаривал с миссис Риаз, а теперь вот свечу фонариком ей в глаз.

– Не реагирует, так ведь? – говорит медсестра с отсутствующим видом, прибирая возле постели.

– Нет, – отвечаю я, – не реагирует.

Свечу еще немного, просто чтобы убедиться.

– Да, она мертва.

Заполняю сертификат о смерти и форму для кремации и выхожу из палаты. Пейджер пищит, и я перезваниваю: отделение радиологии спрашивает, нужен ли нам все еще срочный рентген грудной клетки, который мы запросили несколько часов назад для миссис Риаз.

– Нет, – отвечаю я, – она умерла, но все равно спасибо.

Вешаю трубку и представляю себе, как сейчас ее имя где-то вычеркивают из списка: одним человеком меньше, одним свободным местом для другого больного больше. Жизнь

продолжается.

Несколько часов спустя прохожу мимо ее палаты и вижу там следующую пациентку, девушку лет двадцати. Молодой мужчина, очевидно бойфренд, держит ее за руку, на подоконнике ваза с цветами. Имени миссис Риаз над кроватью больше нет. Вскоре я и не вспомню о ней. Такова работа в больнице, да и вообще медицина. Жизнь продолжается, в ней нет остановок, ни на мгновение.

Четверг, 9 октября

Замечаю, что кто-то слоняется за окном ординаторской.

– Кто это там? – спрашиваю, указывая на тень, немедленно скрывающуюся из виду.

Льюис пожимает плечами и продолжает диктовать распоряжения о выписке. Руби поднимает голову, и на лице ее мелькает странноватое выражение.

– Ой, это, наверное, ко мне, – говорит она, выскакивая за дверь.

Пару минут спустя Руби возвращается.

– Кто это был? – спрашиваю.

Она делает вид, что не слышит, но вид у нее виноватый. Смотрю с подозрением и спрашиваю, уж не Любимчик ли к ней заглянул.

– Ну... да, он просто зашел, – мгновение она колеблется, – чтобы спросить, не схожу ли я с ним сегодня на лекцию по лапароскопии: у него оказался лишний билет.

Я поднимаю одну бровь.

– Почему он не мог войти и спросить, а не слоняться в коридоре?

Руби замирает, пытаясь придумать причину.

– Он... просто не хотел вас беспокоить, – весьма неубедительно объясняет она. – В любом случае я согласилась, так что не ждите меня. Мы потом пойдем ужинать.

Руби отворачивается и спешно включает чайник.

«Да кто бы сомневался, – думаю я, – наверняка это не все, что у него запланировано».

Пятница, 10 октября

Миссис Майлз сегодня выписывают. Но не раньше, чем пройдет обход, на котором мистер Баттеруорт объяснит в своем неподражаемом стиле, что у нее был панкреатит, но теперь она поправилась и может отправляться домой.

– Вы алкоголичка? – интересуется он немного некстати.

– Прошу прощения? – шипит она.

Эту реплику он игнорирует.

– Вероятно, камни в желчном пузыре. Что там на снимке? – продолжает мистер Баттеруорт, оборачиваясь к Старой Кошелке, которая оборачивается к Дэниелу, который оборачивается к нам с Суприей.

– Хм, – одновременно бормочем мы, пытаясь отыскать запись в карте.

Мистер Баттеруорт уже перешел к другому пациенту. Ре-

шаем разыскать снимки и отправить их семейному врачу миссис Майлз, чтобы оповестить его о случившемся и дать рекомендации на будущее.

– Ну, теперь все? – спрашивает она отрывисто, словно лает. – Я могу отсюда уехать?

– О да, – улыбаюсь я, – можете возвращаться домой.

Когда обход заканчивается, она просит еще раз меня позвать. Я бесконечно тронут. Мне-то показалось, что она от-
вратительная, неблагодарная человеконенавистница, а на самом деле миссис Майлз – добрейшая душа, которая хочет выразить мне признательность за все, что мы для нее сделали. Что если она даже приготовила для меня подарок? Или открытку с благодарностью? Подходя к кровати, я тепло улыбаюсь.

– Прежде чем уехать, хочу показать вам это, – говорит она.

Наверное, письмо к Королеве, в котором она испрашивает для меня рыцарский титул. У меня уже заготовлен ответ: о нет, я работаю не ради славы, а ради счастья видеть лица моих пациентов, когда они выздоравливают. Она закатывает рукав.

– Посмотрите! Только посмотрите на это! Это все вы виноваты! Вы это со мной сделали, – кричит она, тыча пальцем в большой фиолетовый синяк на предплечье. – Что же вы за врач!

Ох. Ну конечно. Бормочу извинения и пытаюсь скорей сбежать, пока она демонстрирует синяк пациенту на сосед-

ней кровати.

– Вы только посмотрите, какой огромный! – звенит ее крик.

«Я работаю не ради славы, а ради счастья видеть лица моих пациентов, когда они выздоравливают», – повторяю про себя, пока миссис Майлз, мрачная, словно туча, покидает отделение.

Суббота, 11 октября

У меня выходной, но Руби и Флора на дежурстве. Брожу по тихому дому в поисках какой-нибудь еды. Заглядываю в комнату Флоры, заваленную мусором, бумагой, нестираной одеждой и учебниками, разбросанными на полу. Слушаю радио. Читаю газеты. Потом решаю, что должен что-то сделать, извлечь хоть какую-то радость из свободного дня. Ну что? Пока я пытаюсь решить, не слишком ли жалким буду казаться, в одиночестве сидя в кино, у меня звонит телефон. Это сестра.

К слову, моя сестра Элен гораздо умнее меня. По этой причине она и не стала врачом. Постоянные смерти, депрессия, недостаток сна – нет, это не для нее. Она занимается рекрутингом: находит для людей их идеальную работу. Подбирает нужных сотрудников для каждого работодателя. Это прекрасная должность с восьмичасовым графиком, собственным рабочим столом и обеденными перерывами. Перерывами! Только представьте: специальным временем, отве-

денным для еды!

– Что подделываешь? – спрашивает она с жизнерадостностью и энтузиазмом человека, которому не пришлось вчера весь день совать указательный палец незнакомцам в задний проход.

– Ничего, – говорю я.

– Класс! – отвечает она.

Боже, терпеть не могу довольных людей!

– Хочешь завтра вместе пообедать? – спрашивает сестра.

– Дай-ка мне проверить ежедневник... ох нет, я не могу, завтра буду весь день умирать от переутомления, – язвлю ей в ответ.

Намек она игнорирует.

– Может, старший братик не откажется встретиться с младшей сестричкой за воскресным ланчем?

Я чувствую подвох. Сестра всего на 15 месяцев младше меня и признает это только в случаях, когда ей что-нибудь нужно.

– Чего ты хочешь, Элен? – спрашиваю я.

В ответ она изображает оскорбленную невинность.

– Что, разве нельзя младшей сестре позаботиться о старшем брате? Нельзя проследить, чтобы он хорошо поел, ведь теперь он на ответственной работе, настоящий доктор? Нельзя отвести его на ланч, чтобы он подкрепился и набрался сил?

Я слишком устал, чтобы напоминать, что отлично ее знаю.

– Ладно, встречаемся в *Five Bells* завтра в час дня.

Наверняка у нее сыпь или что-нибудь в этом роде, и она хочет, чтобы я посмотрел.

Воскресенье, 12 октября

– Ты не посмотришь, что это такое? – просит сестра, демонстрируя мне сыпь на животе.

Я так и знал. Бросаю взгляд на часы: еще только 13:10. Могла подождать хотя бы до десерта.

Понедельник, 13 октября

Снова на дежурстве. Пейджер сигналит, кажется, уже в тысячный раз. Смотрю, откуда вызов: отделение 4. Иду туда. Меня встречают две медсестры: по их лицам можно подумать, что они охраняют логово гангстеров. Я робко улыбаюсь, но обе в ответ лишь поджимают губы. «Не будьте со мной так суровы, – думаю я, представляясь, – я же не сделал ничего плохого... пока...»

– У нас к вам дело, – говорит одна из них, поднимая бровь.

Вторая делает то же самое. Подозреваю, что они тренируются во время перерывов.

– Двенадцатой кровати, – продолжает первая, – нужно поставить трехходовой катетер Фолея.

«Хм, лучше бы вам позвать кого-то, кто хотя бы знает, о чем идет речь», – думаю про себя, но присутствующим решаю этого не сообщать.

– Так, понятно, но, видите ли, я не совсем, как бы это сказать, в ладах с этим конкретным видом катетеров.

В ответ – гробовое молчание.

– Значит, сегодня придется его освоить, – говорит первая медсестра.

Интересно, вторая вообще разговаривает?

– А вы не могли бы сами его поставить? – стараюсь придать голосу максимальную непринужденность.

– Мы пробовали поставить обычный, но нужен трехходовой, для ирригации, а он большой. Стоит к ней подойти, и она начинает кричать.

О нет, это уже чересчур. Сейчас два часа ночи. Колени у меня подгибаются.

– Простите, вы сказали «она»? – переспрашиваю я.

Видите ли, ставить уретральный катетер мужчине – уже не самая приятная работенка. Но там хотя бы легко найти отверстие: берешься за гениталии, нащупываешь кончик и готово. Женщины же устроены совсем по-другому. Во время учебы я имел удовольствие поставить пару уретральных катетеров пациентам мужского пола, но женщины неизменно возражали против юношей-практикантов. К сожалению, они не понимали, что все когда-то случается в первый раз, и если не позволить нам потренироваться в хорошей клинике под присмотром консультанта, мы будем осваивать эту процедуру сами. Среди ночи. Под бдительным оком двух враждебных медсестер.

Разворачиваюсь и иду к кровати, сопровождаемый моей неразлучной парочкой, которая держится словно конвой, ведущий приговоренного на казнь. У миссис Даути старческое слабоумие. Она поступила с непроходимостью кишечника, а теперь у нее развилась еще и почечная недостаточность. Заслышав в темноте мое приближение, она отчаянно визжит. Другие пациенты начинают ворочаться в постелях. Они еще не знают, какой их ожидает концерт...

– Держи ее ноги, или она опять тебя лягнет! – кричит «говорящая» медсестра. «Немая» подчиняется, хватая пациентку за согнутое колено и подтягивая его к груди. Я делаю очередную попытку ввести катетер. Мы бьемся с ним уже 20 минут. Я весь в смазке, сестры в смазке, даже другие пациенты уже в смазке.

– Можно мне еще тюбик геля? – спрашиваю я.

– Вы что, издеваетесь? Вы на одну пациентку извели больше смазки, чем мы тратим за неделю!

Склонившись между ног миссис Даути, я задираю голову, и на мгновение меня ослепляет свет прикроватной лампы.

– Просто дайте его сюда, – говорю, понимая, что довольно трудно выглядеть солидно со смазкой на лице. Сестра подчиняется и приносит мне непочатый тюбик. Я еще раз окидываю взглядом зону боевых действий: отверстие – вот оно. Вспоминаю занятие в университете, на котором кто-то сказал «цельтесь выше». Обычная ошибка студентов – случайно попасть катетером во влагалище, что никак не поможет отве-

сти жидкость из мочевого пузыря. «Целься выше», – говорю я себе и проталкиваю конец катетера в розовую выпуклость прямо перед моими глазами (понимаю, что подробности не самые приятные, но только представьте, каково было мне!). Кончик проходит вперед примерно на сантиметр и снова застревает. Черт побери! Ничего не понимаю. Вот отверстие уретры, вот катетер, ну почему он не пролезает дальше? А он не пролезает. Приходится признать свое поражение.

– Мне очень жаль, миссис Даути, – говорю я, хотя она, похоже, уже заснула. – Придется обратиться за помощью.

Прохожу дорогой позора к телефону и вызываю Старую Кошелку.

– Что тебе? – спрашивает она, не тратя времени на приветствия.

Я объясняю проблему, и она, не говоря ни слова, бросает трубку. Стою возле аппарата на сестринском посту. Прошу: «Кошелка, приходи. Пожалуйста». Она появляется пару минут спустя.

– Надеюсь, тут правда что-то серьезное, – говорит она.

«И вам тоже доброе утро. Да-да, у меня все в порядке, спасибо, что спросили», – произношу одними губами, когда она проходит мимо. Я слеую за ней.

– Смотрите, – гордо объявляю, показывая на уретру, – я пытался ввести катетер Фолея, но он не проходит.

Старая Кошелка берет катетер и тут же попадает внутрь.

– Но как же... но... – бормочу я.

Кошелка оборачивается ко мне; медсестры маячат у нее за спиной.

– Поздравляю, доктор Пембертон. Вы только что потратили 30 минут, пытаясь ввести катетер этой женщине в клитор.

Зажмуриваюсь от стыда.

– С учетом ваших познаний в женской анатомии мне остается только поблагодарить бога, что я не ваша любовница, – говорит она своим обычным суровым тоном, проходя мимо меня к выходу.

«Ну, я и сам благодарю бога, что вы не моя любовница», – отвечаю я мысленно, опять предпочитая оставить свое мнение при себе.

Среда, 15 октября

Прошу, прошу, пускай, наконец, медсестры перестанут говорить обо мне исключительно как о парне, который пытался воткнуть катетер пациентке в клитор. Это уже не смешно. С Джорджем Клуни в «Скорой помощи» такого бы никогда не случилось.

Четверг, 16 октября

Как было бы здорово, цари в нашем мире справедливость. Тогда болели бы только плохие люди. А хорошие жили бы долго и счастливо, не зная страданий. Однако все устроено совсем по-другому. Жизнь несправедлива и бессмысленно притворяться, что это не так. Тем не менее иногда мне ужас-

но хочется взбунтоваться против этой несправедливости.

Прошлой ночью в больницу поступил Майкл. Его кишечник перестал работать, потому что буквально завернулся петлей. Кроме этого, у Майкла пневмония. Ему сделали срочную операцию, чтобы распутать кишечник и перерезать спайки, из-за которых развилась непроходимость. Не исключено, что он умрет. Ему 14 лет. Естественно, возраст не имеет значения – будь вам 14 или 44, жизнь – это жизнь. Но в 14 лет вы еще ничего не могли сделать, чтобы такое заслужить.

Дело в том, что Майкл попадает к нам не в первый раз. Все в больнице его знают. Он родился с отверстием в диафрагме, мышце под легкими, которая помогает им расширяться и сужаться во время дыхания. Через это отверстие кишечник проник в грудную клетку, заняв место легких. В результате легкие не развивались, и пришлось делать операцию. При анестезии возникли осложнения, и пострадал мозг. Никто не был виноват, такое иногда случается. Теперь Майкл плохо владеет руками и ногами, его речь нарушена, и он страдает недержанием, так что вынужден носить подгузники. Кишечник так и не начал работать полноценно, он постоянно болит и из-за операций плохо усваивает питательные вещества, поэтому Майкл истощен, выглядит, как мешок с костями.

На обходе я перечитал его карту. Мать парнишки стояла возле кровати. Она выглядела перепуганной, расстроенной и беспокойной, постоянно суежилась вокруг сына, пока хи-

руги с ними говорили. Сам он смотрел в потолок, не интересуясь разговором. Некоторым из нас он сделал знак отойти — ему не нравилось, что вокруг толпится народ, словно на викторианской ярмарке уродцев.

Я вспомнил себя в 14 лет: неприятности в школе из-за плохого поведения, походы в боулинг и в кино, попытки проникнуть с друзьями в паб, откуда нас немедленно выгоняли. Майкл всю жизнь скитался по больницам. Мать ухаживала за ним, и он всегда осознавал, чем ей обязан и насколько унижительно такое положение. В четырнадцать хочется быть независимым, нарушать правила, ходить по краю, а вовсе не просить мать тебя вымыть, когда ты обделался, или терпеть бесконечные медицинские осмотры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.